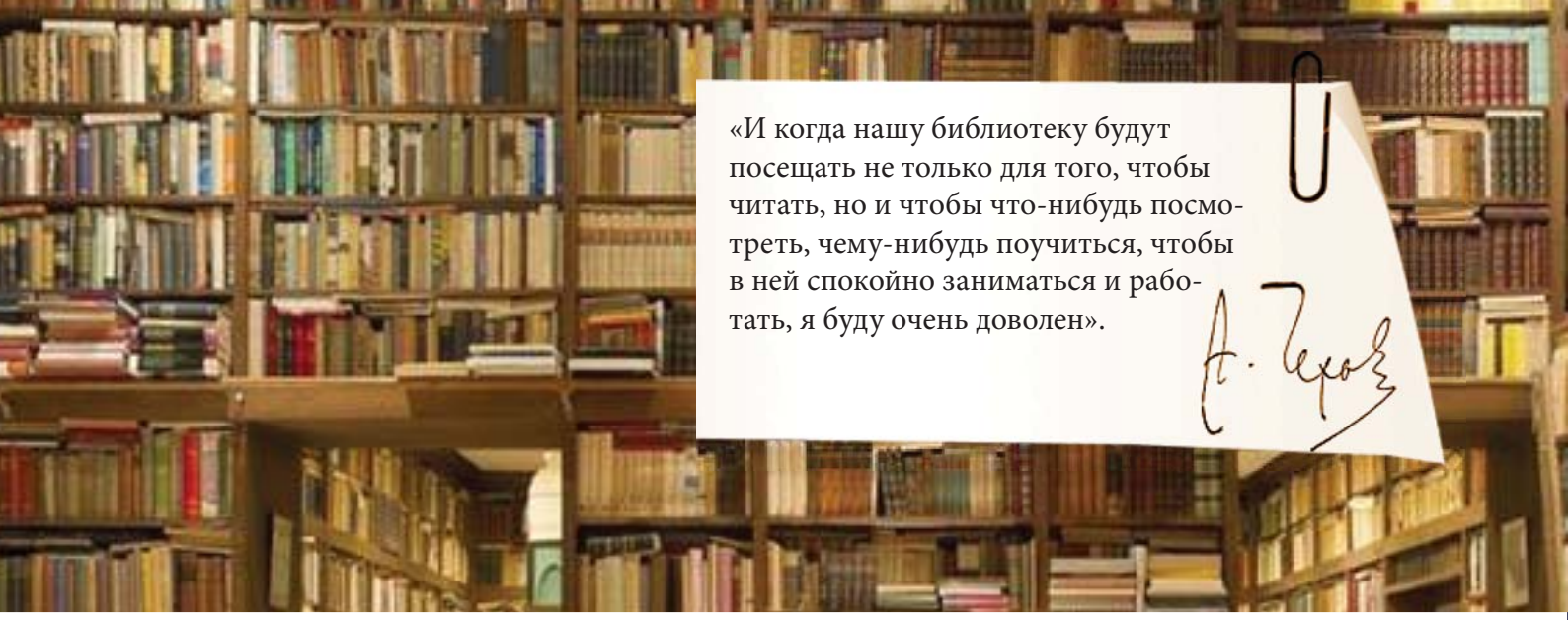
«...мы увидим всё небо в алмазах....» А.П. Чехов

ПОЭТОВ

ЖУРНАЛ
№ 1 (63) 2015

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз



В историческом сердце Москвы, на Страстном бульваре, находится Библиотека им. А.П. Чехова. Одно из мест, где более полувека бьется литературный пульс столицы. Год рождения Библиотеки – 1939-й, а имя классика ей было присвоено в 1954 году. Места эти были близки Антону Павловичу и биографически, и творчески. Но есть и еще одна причина. Чехов – безусловный новатор, и именно он воплощает собой литературную связь времен золотого века русской прозы и драмы с современной литературой. Эта библиотека знаменита, прежде всего, традицией уникальных литературных вечеров. В 60-е годы здесь по вторникам проходили встречи с писателями, читательские конференции. Илья Эренбург, Юрий Трифонов, Юрий Нагибин, Арсений Тарковский, Анатолий Рыбаков, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Андрей Битов, Анатолий Приставкин… В 1993 году традицию возродил культурно-просветительский проект «Классики XXI века», авторами которого были Руслан Элинин и Елена Пахомова, ныне возглавляющая библиотеку. Первыми, теперь уже по четвергам, прошли вечера Генриха Сапгира, Игорь Холина, Константина Кедрова. А.Вознесенский и А.Битов стали живой связью времен – они выступали в Чеховке в 1960-70-е и снова пришли в 90-е. В клубе «Классики XXI века» состоялась презентация легендарной книги Александра Гениса и Петра Вайля «60-е. Мир советского человека», а в рамках фестиваля «Французская весна в России» в клубе выступал впервые приехавший в Москву Мишель Уэльбек, один из самых читаемых авторов мира. Встречи продолжили Фазиль Искандер, Нина Садур, Евгений Рейн, Александр Кабаков, Геннадий Айги, Тимур Кибиров, Елена Кацюба, Сергей Гандлевский, Михаил Айзенберг, Лев Рубинштейн, Владимир Сорокин, Владислав Отрошенко, Александр Иличевский, Петр Термен, Глеб Шульпяков, Максим Амелин, Инга Кузнецова, Санджар Янышев и др. У этого литературного клуба, пожалуй, самая богатая история из всех ныне существующих московских литературных площадок. Сегодня Библиотека им. А.П. Чехова ищет новые формы общения с читателями в области синтеза искусств, сотрудничая с талантливой молодежью, студентами. Всемирный день поэзии ЮНЕСКО, Библионочь, Ночь музыки, Ночь искусств стали настоящими праздниками для поэтов, художников, музыкантов, дизайнеров и, конечно, читателей.

Журналу ПОэтов в этом году исполняется 20 лет. Давно стало традицией проводить презентации новых номеров в клубе «Классики XXI века», участвовать в фестивале Читающий Арбат. А для Круглых столов и научно-практических конференций, организованных Чеховкой, журнал делал специальные выпуски, посвященные В.Жуковскому, В.Маяковскому, А.Вознесенскому, М.Лермонтову. Сейчас перед вами этот номер, изданный к 155-летию Антона Павловича Чехова.

За созвездием наблюдали

2
Антон Чехов
3-4-5-6-7-8
Константин Кедров, Андрей Врадий,
Галина Мальцева
9
Сергей Бирюков, Исаак Левитан
10
Елена Кацюба
11
Владимир Аристов, Андрей Врадий
12
Валентин Никитин, Алина Витухновская,
Канат Канака
13
Юрий Мамлеев
14
Кристина Зейтунян-Белоус,
Майка Лунёвская
15
Маргарита Аль, Антон Чехов
16
Кира Сапгир, Антон Чехов, Семен Гурарий
17
Валерия Нарбикова, Андрей Врадий,
Владимир Павлов
18-19-20
Алексей Давыдов
21
Лидия Григорьева, Антон Чехов,
Геннадий Кацов,
Андрей Бударов
22
Артем Савельев, Антон Чехов,
Евгений Степанов
23
Галина Мальцева, Дмитрий Цесельчук
24-25-26
Елена Свечникова, Эльвира Частикова
27
Виктор Ахломов, Владимир Лакшин,
Марина Тарасова
28-29
Лоренс Блинов, Галина Мальцева

30
Олег Федоров, Николай Ерёмин
31
Владимир Монахов, Антон Чехов,
Галина Мальцева
32-33-34-35
Игорь Крестьянинов, Эдуард Трескин
36
Ольга Филиппова, Александр Карпенко,
Александр Петрушкин, Ольга Реймова
37
Александр Добровольский, Ия Кива,
Александр Бубнов, Александр Чернов,
Кристина Зейтунян-Белоус
38-39
Петр Кобликов
40-41
Варвара Черковская, Антон Чехов,
Григорий Горнов, Татьяна Виноградова
42-43-44
Галина Свинцова, Полина Ольденбург
45
Ольга Ильницкая, Галина Мальцева
46
Елена Атланова, Александр Гумённый,
Нина Маркграф
47
Сергей Самарин, Наталья Никулина,
Николай Грицанчук, Андрей Врадий
48
Валерий Мутин

Антон Чехов. Первая страница рукописи «Вишневого сада».

Константин Кедров
доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Созвездие – Чехов

Он раньше других ощутил давление нового века и сумел круто развернуть парус так, что его вынесло не только в XX век, но и в новое тысячелетие. В парижском метро, где читают книги так же часто, как и в московском, я не раз видел людей, читающих Чехова. О любви к Чехову в Японии, Китае и США можно складывать легенды. Такие разные времена, такие разные народы и континенты знают и любят Чехова. Казалось бы, такой русский писатель, из таганрогской купеческой семьи, а сумел поведать миру что-то настолько важное, что мир не может его забыть и постоянно открывает заною.

Есть Чехов театральный, сотворивший своей «Чайкой» величайшего Станиславского и великий МХАТ. Есть Чехов интимно русский, знакомый с детства творец «Каштанки» и автор великого послания к Богу с бессмертным адресом «На деревню дедушке... Константин Макарычу». Есть Чехов, предвещающий Хармса в своей до слез смешной жалобной книге. Кто же забудет почти телеграфное сообщение: «Проезжая мимо станции у меня слетела шляпа»? Наконец, есть создатель по-левитановски до боли щемящего «Дома с мезонином», из которого к небесам вечно будет лететь нежный вопрос: «Мисюсь! Где ты?».

Чехова сразу заметил вполне доброжелательный критик Скабичевский, но с чисто критической неуклюжестью больно ранил писателя тревогой за его будущую судьбу – как бы не умер он под забором, исписавшись в мелких рассказиках.

Между тем, именно с рассказиков Чехов явно вырвался на просторы нового века, не терпящего длиннот и не имеющего в запасе ни секунды лишнего времени, ни миллиметра лишнего пространства. Скабичевский так напугал Антона Павловича, что тот до конца дней стремился разбогатеть и написать длинный роман.

Слава Богу, роман Чехов не написал, зато осуществил первую часть замысла. Стал богатым «новым чеховским». Однако не путайте «нового чеховского» с «новым русским». Дачи Чехова в Ялте и Мелихове никак не назовешь дворцами.

Где бы ни жил писатель, он тотчас основывал вокруг себя библиотеки, больницы и школы. А кроме того, он считал своим долгом лечить местное население, поскольку был еще и врачом, страдающим самой страшной болезнью своего времени, туберкулезом.

Старомодная для нашего времени вера Чехова в науку, медицину, прогресс и просвещение – это еще и вполне естественное стремление заглушить страх перед неминуемой катастрофой. Он утверждал, что, если от какой-то болезни существует слишком много лечебных средств, значит она неизлечима.

Неизлечим туберкулез Чехова, и неизлечима сама Россия. И тем не менее хотелось верить в доброго Лопахина. Это он не из мести вишневый сад вырубает, а просто так выгоднее. Надо понять, что такое вишневый сад для Чехова, тратившего львиную часть своего дачного времени на фруктовые сады и кустарники.

«Я умру, а деревья останутся» – так думала вся интеллигенция. Ничего подобного. Как только уничтожили владельцев садов, тотчас же и даже одновременно, вырубили, вытоптали сады.

Мичуринско-чеховский лозунг моего детства: «Украсим родину садами» – висел всегда среди каких-то тощих саженцев на пыльной площади, где все давно забыли, как выглядит живое яблоко на живой яблоне.

* * *
Что Три сестры
Когда в груди костры
Да и одна сестра
Среди костра

Вишневый ад
Цветёт как вешний сад

Что Три сестры
Я разгадал интригу
И записал их в Жалобную книгу

Я всё сказал
Словами больно раня
И подписался просто
ДЯДЯ ВАНЯ

Сойдя с экспресса возле полустанка
Вслед поезду пролаяла Каштанка

Потом сказал: Ich sterbe
Земля Луна и Месяц на ущербе

В ОХЕ ЧЕХОВ
ЯД ЯД ДЯДЯ
Ваня

Константин Кедров. 15.1.15

Кто такой этот добрый неудачливый дядя Ваня, который ни с того ни с сего вдруг схватил оружие и стал стрелять в родного брата, преуспевающего профессора? А не преуспевай! Он, дядя Ваня, конечно, лучше разбирается в литературе, поскольку никогда ей не занимался. Он и философией не занимался, а потому твердо уверен, что из него мог бы получиться Шопенгауэр. Впрочем, дядя Ваня опомнился: «Я зарапортовался, я с ума схожу». Ничего, пройдет время, и миллионы таких дядь-ваней возомнят себя гегелями да так перекроят Русь-матушку, что ее уже никакой Чехов не узнает.

Лев Толстой смеялся над чеховской верой в прогресс и, посетив его в больнице во время тяжелейшего приступа туберкулеза, посоветовал лучше поверить в Бога. Льву Николаевичу, как и его героям, эта вера далась с трудом, но зато когда он ее обрел, то уже ни секунды не сомневался – в ней единственное спасение.

Чехов, хотя и побыл некоторое время толстовцем и даже описал сей период в «Моей жизни», все же не уступил клерикалам и очень тонко объяснил свою религию, которая куда ближе к европейскому варианту буддизма. Между «есть Бог» и «нет Бога» – целая бесконечность, и в ней-то и находится человеческая душа. Как ни странно, здесь писатель предвосхищает великое открытие философии XX века – принцип дополнительности Нильса Бора.

Истина гнездится где-то в пространстве между. Ни одна его фраза не страдает ложной однозначностью: «Ты, Каштанка, супротив человека, все равно что плотник супротив столяра». Есть над чем подумать. Или его знаменитые внетекстовые высказывания в глубине текста типа: «А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища – страшное дело!».

Чехов не любил определенность. «Лошади едят овес и сено. Волга впадает в Каспийское море» – эти истины не для него. Он любил, когда дважды два – стеариновая свечка. Его предсмертное, бесповоротное, сказанное по-немецки: Ich sterbe («я умираю») – можно истолковывать до бесконечности, как многие фразы в пьесах.

Он самим своим творчеством сделал невозможным любое чеховедение. К его истолкователям так и лепится фраза: «Отойди, брат, от тебя курицей пахнет». Поэтому любой разговор о Чехове возможен только как постмодернистская игра, где слова значат вовсе не то, что они значат, а совсем другое.

Чехов – это неожиданное высказывание. Даже в семейной переписке с Книппер-Чеховой вдруг где-то в конце письма неотвратимо, как рок, как Ich sterbe – «Займись, пожалуйста, ватерклозетной ямой». В семейной жизни главное – терпение. Не любовь, а терпение. Так утверждает один из его героев. А потом он еще много раз возвращается к этой теме. Любовь – это или атавизм из прошлого, или, наоборот, нечто очень важное, что со временем разовьется в человеке и сделает его равным ангелам. Оказалось и не то, и не другое. Человек не склонен развиваться и переделываться. Он останется навсегда таким, каков он есть. Выдавливать из себя по капле раба – занятие бесполезное. Либо ты раб, либо свободный человек. Промежуточного состояния не получается. «Кто же так жестоко смеется над человеком?» – этот карамазовский вопрос никогда Чехова не мучил. Он сам смеялся. Чехонте? Чехов? Овсов? Лошадиная фамилия. Или просто по-юбилейному: «Дорогой, многоуважаемый шкаф...» Дорогой, многоуважаемый Антон Павлович Чехов.

Захлопнешь томик Чехова, поставишь на полку, а оттуда все равно голоса: «Жареные гуси мастера пахнуть». – «Господа! Побойтесь Бога, у меня язва!» – «Бросьте вы, батенька. Это у вас все от гордости. Нет никакой язвы».

А чего стоит замечательный чеховский анекдот, когда врач навещает своего больного коллегу и спрашивает: «Ну, каков у нас пульс?». А тот в ответ: «Да полно вам. Мы-то с вами знаем, что нет никакого пульса».

Поразительно, что даже глубоко невежественный Хрущев, когда громил художников-авангардистов, вдруг вспомнил Чехова: «Вы нас призываете отвинтить все гайки, а чеховский злоумышленник отвинчивал через одну, чтобы поезд не сошел с рельсов». Горбачев отвинчивал через одну, но поезд с рельсов все равно сошел. Словом, куда надежнее для России рецепт Пришибеева: «Народ, разойдись. Старушка, не скопляйся». Она, бедная, до сих пор «скопляется» у метро, где ее с несчастным пучком укропа отлавливает целый полк пришибеевых.

А уж что в Чехове находят японцы, французы, американцы, этого нам вовек не понять. Бывший мой студент гениальный поэт Лёша Парщиков, приехав из США, сказал: «Трудно поверить, но там люди все еще добры и наивны, как в пьесах Чехова». Говорят, что такими были люди в России до революции.

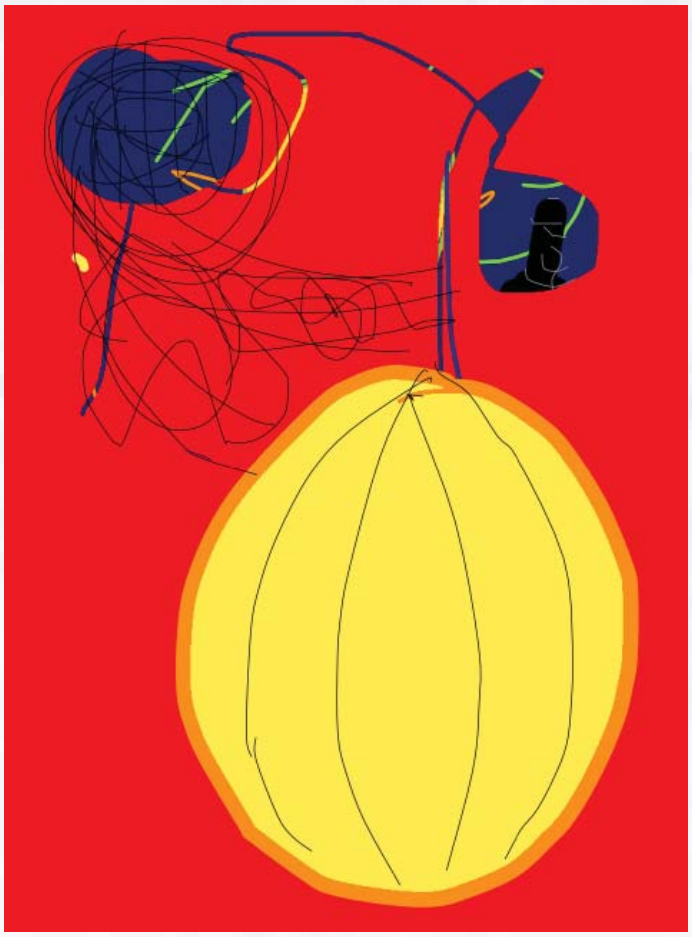
* * *

Кто видел фильмы про Чапаева
Где конь скакал по черепам
Мои возможности неисчерпаемы
но я их всё же исчерпал

На свете много шалопаев
Дебил дебила не добил
А я из тех кого Чапаев
Не до крови не докроил

Скакал казак по Украине
Скакал на сером БТР
Людей кроили раскроили
В СС где сер СССР

Константин Кедров, 2015



Специально для ПО. Галина Мальцева, Андрей Врадий. «Чеховский крыжовник» (компьютерная графика), 2015 г.

Через 300 лет жизнь на земле будет сказочно прекрасна. Так думали герои Чехова. Сегодня мы говорим, что жизнь была прекрасна 100 и 155 лет назад, когда жил и родился Чехов. Видимо, дело здесь не в России, а в Чехове.

Он увидел свое небо в алмазах, но по ошибке спроецировал его из вечного в будущее. Цветет звездный Вишневый сад, летит созвездие Чайки, в созвездии Псов идет Дама с собачкой, и там же Каштанка, и, поблескивая пенсне, смотрит с неба «Большая Медведица пера» – Антон Павлович Чехов.

Куда летит шляпа Чехова

Личность Чехова не умещается в границы писательства. И дело тут не в количестве построенных им больниц и открытых библиотек. Боюсь, что многоязыкий мир, пьянеющий от чеховских пьес, все же не очень хорошо понимает, что такое земский врач или земский учитель. Вряд ли японец, смакующий каждую паузу в «Вишневом саде», догадается, какая сила заставила Антона Павловича трястись на телегах через весь Сахалин и вести бережную перепись каторжников. Да и активное участие Чехова в переписи крестьян своего уезда сегодняшнему продвинутому литератору совсем ни к чему. Ну, допустим, больных крестьян он лечил бесплатно для души. А вот зачем убежденный агностик Чехов построил себе часовню и увлеченно пел в хоре? А что значит загадочная фраза о выдавливании из себя по капле раба? Осознавать себя рабом, будучи на вершине славы и пике популярности – это дано не каждому.

Разумеется, для нас это только примечание на полях его очень смешных рассказов и очень грустных повестей. Так все-таки грустных или смешных? Уже готов ответ, мол, и то, и другое. Но это не совсем так. Как мог автор «Архиерея» и «Дома с мезонином» или «Дамы с собачкой» и «Черного монаха» написать не то грустную, не то смешную до колик «Лошадиную фамилию», или «Хамелеона», или «Человека в футляре»?

Для меня шедевром всех чеховских шедевров остается «Жалобная книга», где писатель опередил свое время минимум лет на двести. Да и коротенькие смешные рассказы, начиненные сентенциями типа «жареные гуси мастера пахнуть», адресованы скорей всего в наше время, хотя сам Чехов считал, что все это было написано для заработка в надежде выкроить время и деньги для настоящей, серьезной вещи. Слава богу, так и не выкроил.

С пьесами до сих пор непонятно. Кого мы смотрим – Чехова или Станиславского с Немировичем-Данченко? Знаменитая чеховская тоска, не отделяемая биографами от его чахотки, полностью заглушила на сцене чеховский смех. А что такое – смех Чехова? Ну, тут наготове сентенция Гоголя, мол, смех сквозь невидимые миру слезы. Но Чехов не Гоголь. Никаких невидимых слез.

Просто всепоглощающая, засасывающая русская тоска, тощища сквозит в каждой реплике его героев. Потому что, как и вся Россия, эти люди никогда не найдут себе, в отличие от Чехова, нужного применения в этом абсурдном мире. О работе они говорят, словно срок отбывают. А те, кто не работает (их большинство), те с горящим взором устремляются к небу в алмазах. Кстати, эта знаменитая фраза оказалась пророческой. В небе обнаружена целая алмазная планета. Планета-алмаз. Летает себе и ничего.

По теперешним понятиям Чехов умер совсем молодым. Старого Чехова не бывает. Есть только ищущий и молодой.

Чехов – первый и, может, последний импрессионист в русской драматургии. Импрессионисты открыли в музыке обертона, а в живописи дополнительные цвета. Цвет, возникающий между двумя разными мазками краски. Чехов открыл текст, возникающий между двумя высказываниями, или непроизнесенное слово между двумя произнесенными.

Говорится, что в Африке сейчас жарища, а имеется в виду, что в России беспрестанно дождливо, сыро и холодно. Говорится, что пойдут дожди, а имеется в виду, что мы не созданы друг для друга, хотя я вас очень люблю. Но это лишь в некоторых случаях легко дешифруется.

Большинство же слов Чехова создают между собой некое смысловое поле, которое просто не может быть выражено словами. Обертона и дополнительные цвета. «Мисюсь, где ты?» – а за этим целая вечность и вся вселенная. Чехов, где ты?..

Целое столетие без тебя заполнено тобой до отказа. Сейчас тебя жадно и яростно кусают постмодернисты. Ты стал символом несостоявшегося, рухнувшего гуманистического проекта. Тебя считают простачком и обманщиком. Тебе не могут простить Гитлера и Сталина, которых ты не предвидел. А если бы предвидел, то не был бы Чеховым. Многие думают, что чеховская эпоха – это время до Гитлера и Сталина. По времени это так, а, по сути, это эпоха не «до», а «без» них. Мировая интеллигенция умудрилась, несмотря на все испытания, прожить весь XX век без этих маньяков. Исторически, де-факто они есть, а метафизически, де-юре их нет.

И все же, перечитав «Палату № 6», вдруг понимаешь, что Чехов предвидел советские психушки, где томятся чеховские диссиденты-интеллигенты с их вяло текущей шизофренией. Диагноз, придуманный по заказу андроповской Лубянки. Вся Россия – наш сад, все еще вырубаемый и цветущий. Вся Россия – наша палата № 6, так и не отмененная, не демонтированная. В Москву! В Москву!!! Это как же так, без прописки, то есть без регистрации?

Чехов, устаревает, не устаревая. В его словах часто обнаруживается новый смысл, неведомый даже самому писателю и всем его современникам. Нынешние всевозможные постмодернистские переделки «Чайки» и «Трех сестер»– это все еще и все равно еще Чехов. Все это подразумевается и потенциально содержится в его текстах, как обэриутский абсурд в одной фразе: «Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа». Шляпа Чехова еще долго будет парить над нашими железнодорожными откосами, ведущими, как БАМ, в никуда. А Чехов «туда» доехал, хоть и в телеге.

Тюремная реформа по Чехову

120 лет назад Антон Павлович Чехов прибыл на остров Сахалин. Это не менее загадочный поступок, чем уход Толстого из Ясной Поляны. Что поездка опасна для жизни, Чехов как врач знал. Признаки туберкулеза никак не располагали к подобному путешествию. Однако желание круто изменить жизнь оказалось сильнее чувства самосохранения.

В тридцать лет Антон Павлович был уже известным писателем. Но именно эта известность толкнула к подвигу. Писатель в России даже не учитель жизни, а некий гражданский мессия. Где больше всего страждущих? На Сахалине. Сахалин – тогдашний ГУЛАГ. Так в кругу Чехова возник тезис – порядочные люди должны смотреть на Сахалин, как мусульмане на Мекку. Ничего не поделаешь, российская писательская душа – христианка. А другой души у России нет.

Сама поездка уже была подвигом. Железной дороги в ту сторону не было. Так что от Тюмени на

Небродский

Я НЕБРОДСКИЙ
Я НЕБ РОДСКИЙ

ПЛУТ-
АРХ
И
АРХ-
И
ПЛУТ
ПЛУТ-
АРХ

НЕЦКИ
В ДО-
НЕЦКЕ

ДОКОЛИ
ДО КОЛИ

Бога вижу
Довольно часто
Не знаю
Видит ли Он меня

Бродский требует
Больших усилий
Чтобы
Изнасиловать насилье

Нам не указ Европа
На мне у касс Европа

ИОНА ФАН
ИОНАФАН

БИЗНЕС
БЕЗ НАС

ЛЕВИ А ФАН
ЛЕВИАФАН
ЛЕВ И А ФАН-
ТАЗИЯ
ФАН ТАЗ И Я

ПОСЛЕ СМЕРТИ
ПОСЛЕ СМЕРЬТЕ

ТИХОН Я
ТИХ ОН- Я
ТИХОНЯ

ДОНБАСС –
КРЫМАТОРИЙ
КРЫМА

ТРАХ
SOS
ТРАХ-
ОМ
МАНИ
ПАДМЕ
ХУМ

А МНЕ
АМНЕ-
ЗИЯ
ЗИЯ-
ЕТ

Константин Кедров, 2015

перекладных. Конечно, Антон Павлович не понимал, что такое Сибирь и Сахалин. Иначе обшил бы валенки кожей. Захватил бы в дорогу запас сахара, чая, мясных консервов. Валенки из-за дождя превратились на ногах в холодный студень.

Чем питался Чехов в Сибири и на Сахалине, лучше не вспоминать. Истощение, сырость, холод гарантировали обострение туберкулеза. Как мог врач отважиться на такой безрассудный поступок? Но тридцать лет – это еще молодость. А молодость дается выдающимся личностям для подвига.

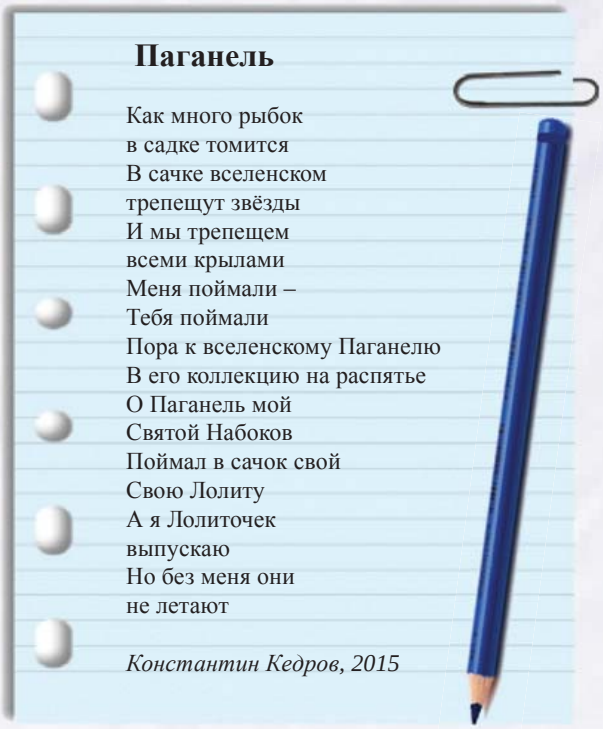
Перед самой поездкой Чехов признается, что ехать очень не хочется, но надо. Что значит надо? Он свободный, материально независимый, почти знаменитый, но – надо. На Сахалине его ждут 10 000 каторжников и их охранников. С каждым из них Чехов беседует лично. Зачем? Готовил научную монографию о Сахалине, которая могла бы стать диссертацией, но не стала. Несомненно, была и высшая цель. Вслед за автором «Записок из мертвого дома»Достоевским Чехов стремился понять природу преступления. Не понял. Списал все на неблагоприятные внешние условия. Так тогда почти все считали – виноват не преступник, а общество, породившее преступление. Первый, кстати, усомнился в этом Достоевский, насмотревшись на обитателей Мертвого дома. Чехов так далеко не копал, но тогдашний ГУЛАГ высветил, как софитом. Тогда власть прислушивалась к писателям. После книги Чехова о Сахалине отменили телесные наказания кнутом для женщин, а потом и для мужчин. Отменили пожизненную каторгу и пожизненное поселение.

Одного этого достаточно, чтобы поставить памятники Чехову не только на Сахалине, но и по всей России. Другое дело, что на смену Сахалину придет ГУЛАГ, по сравнению с которым Сахалин покажется пионерским лагерем. Этого Чехов не предвидел. Исторически Чехов битву свою за гуманизм вместе со всей российской интеллигенцией проиграл, как проиграл ее Лев Толстой, призывавший к ненасилию на пороге мировой бойни. Но кроме истории есть еще и биография. И неизвестно, что важнее.

Возвращаться в Москву через Россию писатель не отважился. Ближе казалось полукругосветное морское путешествие через Цейлон и Индию. Тайфун едва не потопил пароход, на котором плыл Антон Павлович. По возвращении на родину Чехов тотчас отправился в Европу. Очаровала его «голубоглазая Венеция» после Сахалина. Но никаких следов в творчестве не оставила.

Алмаз в футляре

Чехов – один из последних писателей гигантского просветительского проекта, основанного на вере в бесконечные возможности человека. Он верил, что нравственная эволюция еще не завершена. Впереди – прогресс и четко очерченная леонардовская перспектива, где в человеке прекрасно все. Дальше помнит каждый школьник – и лицо, и одежда, и душа, и мысли. При этом, что интересно, душа и мысли на всякий случай отдельно.



Паганель

Как много рыбок
в садке томится
В сачке вселенском
трепещут звёзды
И мы трепещем
всеми крылами
Меня поймали –
Тебя поймали
Пора к вселенскому Паганелю
В его коллекцию на распятье
О Паганель мой
Святой Набоков
Поймал в сачок свой
Свою Лолиту
А я Лолиточек
выпускаю
Но без меня они
не летают

Константин Кедров, 2015

Чехов – врач и потому прекрасно понимает, что душа есть тайна за семью печатями. В отличие от Достоевского он не стремился к разгадке человеческой тайны. Человек для него всегда в футляре. Но футляр тоже интересен. Ведь в конечном итоге футляр – это тоже человеческий выбор.

Вот дядя Ваня в футляре дачного труженика, а вот брат дяди Вани в футляре профессора литературы. У самого Чехова было много футляров, и все они органичны. Халат врача, плащ земского землемера, элегантный белый костюм преуспевающего дачника, строгий сюртук и пенсне. И все это он, Антон Павлович Чехов, которого мы любим во всех одеждах, потому что это всегда он.

Чехов, смеющийся над всеми и над собой. Чехов, умирающий со словами: «Ich sterbe», обращенными к коллегам в белых халатах. Интересно, как общался он с каторжниками, большей частью закоренелыми убийцами, когда ездил на Сахалин? «Если жена тебе изменила, радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству». Вот такой Чехов, пожалуй, менее всего футлярен.

Конечно, японцы и французы любят какого-то другого Чехова. Ну как перевести такой диалог: «Жареные гуси мастера пахнуть, – сказал почетный мировой, тяжело дыша. – Не говорите, душа моя Григорий Саввич, утка или бекас могут гусю десять очков вперед дать. В гусином букете нет нежности и деликатности. Забористее всего пахнет молодой лук,

Константин Кедров «Дом с мезонином» (бумага, фломастер)

когда, знаете ли, начинает поджариваться и, понимаете ли, шипит, подлец, на весь дом».

Но и другой Чехов, которого любит весь мир, – это тоже подлинник. Барро пишет, что в пьесах Чехова для него важнее всего ремарки, а в ремарках – паузы. От этих чеховских пауз исходит тишина, ломящая уши.

В те времена еще не было прописки. Совершенно непонятно, почему три сестры не сядут в поезд и не уедут «в Москву, в Москву». Проблема тут в отсутствии серьезных проблем. Впрочем, кто знает, может, военный оркестр, играющий в парке, полон предчувствий о будущих временах, когда под духовые оркестры будут людей расстреливать.

Разумом Чехов верил в прогресс, а писательское ясновидение подсказывало нечто другое. Его драматургия полна тревожных предчувствий. Пока еще рубщик садов Лопахин рубит не людей, а только деревья. Но вырубленный вишневый сад – это, похоже, архетип на все времена. Никто не изгонял Адама и Еву из райского сада. Рай просто вырубили. Весь двадцатый век вырубка продолжалась по нарастающей. Да и уже второе десятилетие двадцать первого ничего хорошего и доброго героям Чехова не сулит.

Над «Черным монахом» бьются критики, колдуют сценаристы и режиссеры – что это за привидение, которое ничего не означает? Медицински это, конечно, безумие. Ну а художественно-то что? И опять райский сад, обреченный на вымирание. Тут Чехов во многом биографичен. Он всюду сажал сады. В Мелихове, в Ялте, в Москве. Всюду открывал библиотеки. Он открывал и выращивал. А вырубали, сжигали и рушили совсем другие. Блок с тоской сказал на улице Маяковскому: «А у меня библиотеку сожгли». Сказал и удалился. Чехов до этого ужаса не дожил. Великая апокалипсическая фраза – «Мы увидим все небо в алмазах» – сегодня звучит почти угрожающе. Но в ней есть и открытие. Оказывается, алмазы не в земле образуются, а при взрыве сверхновых звезд.

Сам Чехов и был такой сверхновой звездой. Все сгорело. Остались только алмазы в оправе книжных обложек. Любовь – это либо то, что отомрет как рудимент прошлого, либо разовьется во что-то новое, приравнивающее нас к ангелам. Эту веру своего героя Чехов во многом разделял. Трудно представить его без пенсне, сверкающего двумя алмазами.

* * *
Вот Маяковский он ведь не Маяк
А что Маяк? Ведь он не Маяковский
Как маялся маяча Маяковский
Вот Маяковский – застрелившийся Маяк
Хотя его конечно застрелили
А он опять маячит и маячит

15.1.15

Невысоцкий

Гони коней как самогон
Коней коней коней
Конь ей

Гоня гоня гоня коня
Коня коня коня
Конь-я
Конь я конь я конь я
Коньяк

Константин Кедров, 2015

Сергей Бирюков
доктор культурологии
ДООС – заузавр,
Галле

off chehof

Чехов – ох
ох – Чехов
Чехов – ах
Чехов – ахов
Чехов – смехов
Чехов – охов
Чехов – вздохов
Чехов – ох
Tschehow –
noch

В тачке А.П. Чехов и М.П. Чехов. Везет тачку В.А. Гиляровский. Стоят А.А. Долженко и И.П. Чехов. Апрель 1892 г.
Фото И.И. Левитана.

ПОчти ПО-Чеховски

Разговор редактора с начинающим пиитом

– так, что вы нам принесли
– ммм, я пишу стихи
– стихи пишут все, посмотрим как у вас с трансгрессией
– мммммм
– с оптикой
– мм, у меня плюс-минус
– ясно, неопределенная оптика неотчетливое видение
– я действительно...
– а темпоральность! Неочевидность резонанса
– ммм
– а травестирование техногенности! Где это все?
– мммммм нннн лллл
– вот именно! Где вменяемость? Где парейдоличность?
– (неожиданно обретая голос) да этого как раз полно!
У вас что-то с оптикой. Вы сами-то вменяемы?!
– молодой человек, что за тон, я не вижу у вас дисперсии
– да нет, это у вас рецептивная аберрация в степени N
– как вы смеете вообще что-то произносить, вы не отрефлексировались еще, у вас нет разрушения тела языка, а туда же, да я вас лишу права...
– э, да что вы понимаете в кумуляции, еще учить меня...
вы вообще не в фокусе... я можно сказать трикстер, какого юха!
– а вот вы и попались, я вас мистериально кастрирую, ваши стихи то есть, надо их обрывать вот здесь и здесь...
– обрывайте свои, у меня свой трансгрессивный код, ха-ха!
– а, вот вы и попались – метанаррация-то явно не то не та
– ну это мы еще поглядим, чья метанаррация возьмет.
Забираю стихи и несу их в Журнал ПОэтов!

Елена Кацюба
ДООС – libellula

небесная река, в движеньи цепенея
минует полынью, узорный край кроша́
ни капли не прольет созвездье Водолея
кристаллы зимних звезд звенят на дне ковша

Вишнёвый сад

На стёклышках пенсне мороз рисует пальмы
сквозь ледяной витраж писатель видит сад
метель смела сюжет, заледенели пальцы
а за окном летит вишнёвый снегопад

порхают лепестки снежин пятиконечных
над кутерьмой детей на санках и коньках
на тусклой глади льда еще не видно трещин
но чистого листа пугается рука

идет писатель вдоль картонных декораций
а в ледяном пенсне мерцает прежний сад
там листья шелестят, и вишни там роятся
но падают, застыв, и под нагой хрустят

накрыт бильярдный стол в саду недавней вьюгой
катает лунный луч хрустальные шары
писатель видит сон
кошмарный –
всей округой
заточенные в ночь шагают топоры

не верьте топорам, они лишь спецэффекты
тупой развязный звук, нарезанный на диск
деревья не молчат, живут в деревьях жесты
в них крики тишины, в них искренности риск

писатель слышит сад,
деревья шепчут что-то–
слова, что через год он повторит как врач
но занавес взлетит, затихнет гул и шепот
и вишни зацветут..! …и мы вернемся в рай

Январь, 2015 г.

О = зеро

В созвездии Водолея находится
спиральная туманность Улитка

Улитка вне… чего?
Улитка вне себя?
Едва ли
когда бы свой каркас собою вы назвали.
Улитка вне…
Вне черепа,
как любопытный мозг,
ловя лучи в себя насквозь.
Улитка вне небес?
Как небо вне воды,
как музыка – везде,
а нотный стан ей старт.
Ночной озерный лак роялен,
реален
плеск и шелест в нем,
но днем
иные ноты:
до ос, и т-ре-ск стрекоз,
и водяных жуков лихое ралли
на отраженьях облаков.
Улитка – ключ,
которым заперт мир внутри спирали,
улитка вне времен, улитка – воин,
рогатый страж бездонного ноля.

1986 г.

Владимир Аристов
доктор физико-математических наук

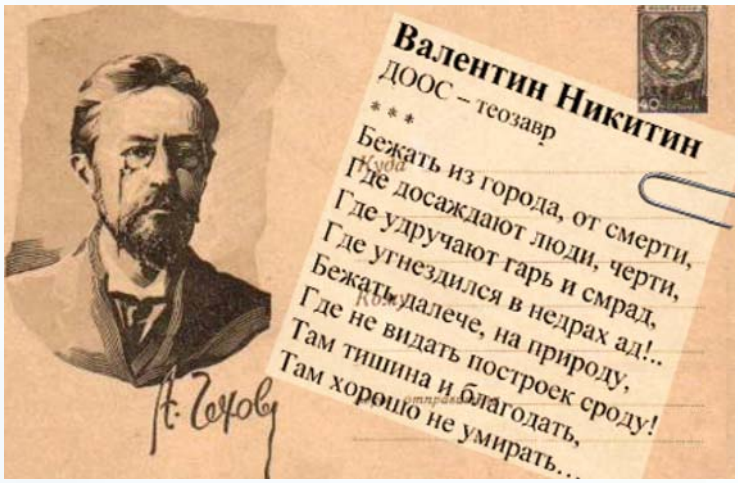
Из цикла
«По нашему миру с тетрадью
(простодушные стихи)»

Когда забытый Фирс
раскроет окна в сад,
полный цветущей сакуры
и ребята, – целый их отряд
не пионеры, нет – бой-скауты
подойдут к нему с цветами в руках
дети самого интернационального состава
и самая многонациональная девочка
(«бой-баба» как кто-то произнес
о ней в отряде)
набравшись смелости произнесет:

«Спасибо, дедушка Фирс,
спасибо, что для нас играете
столько лет и играете на все сто
что ты не гонишь
природу в дверь
а для нее распахнул все окна
мы часть природы той, что вам и не
снилась
в том прощальном сне
мы аплодируем вам»
и все захлопали
даже листва из сада
позабыв состав
захлопотала
и листья и/или лица детские друг друга
отразили

Андрей Врадий
ДООС – светозавр.

Специально для ПО.
Фото-инсталляция «Вишневый сад», 2015 г.



Алина Витухновская

друг ДООСа

* * *

Умирает поэт. Но как в рацио реанимации.
Повторяется стихотворение. Вертится.
Как пластинкам в истерике, в реинкарнации.
В коронации нерукотворным безверием.

Как Вертинский скрипит в кокаиновом холоде
КолокОлом, глаголом, иль комом, что в горле Империи,
Ты застрянешь двуглавым орлом или ором в той
родине-мордоре,
В Лукоморге, на каторге, дорогой Александр Сергеевич.

По усам нефть текла, но попала не в черные дыры,
Что не бездна, конечно, но тоже подобие рта.
Я там был, там свое Бытие, но отсутствие мира.
То есть жизнь заменяет не смерть, но скорей Пустота.

Отдыхай декоратор догадок – философ Хайдеггер.
Пустота не витальна и в этом ее красота.
Русь давно не сакральна. В ней голем был собран
из лего.
И имперский конструкт создается в «Икее». Чиста

Сей колонии суть – нулевая игра симулякров.
Здесь Иисус стал давно симулякр, да и сам симулянт.
Не корми «имитатора», ибо ты сам имитатор.
А потом мародер. Опускающий крылья атлант

Это ты. Все последние войны бескрылы.
Безымянны, безродны, и в свежих могилах лежат
Анонимные мы, те, которых ничто не манило
Защищать псевдородины вечный бессмысленный ад.

Канат Канака

Байконур

ЧЕХОВ

Возгоревав цветёт вишнёвый сад.
Хозяйка дома норовит уехать.
Нельзя ли сесть за стол и написать
про сад вишнёвый несколько цитат?!
Но деликатно возражает Чехов.

Вот косточку вишнёвую нашёл.
Луна взошла или ушла в засаду.
Нет сада здесь. И врать не хорошо.
Но сад мне нужен. Я иду по саду.

(Из мёртвых сад восстанет, как не раз
за гранью смысла вещи воскрешались.
Так почему не расцвести сейчас,
не возомнить себя вишнёвым садом?!)

Сад, вопреки, цветёт и будет жив.
– Эй, дровосек гуляй: точи топорик! –
кричит хозяйка саду супротив.
Вишнёвый сад не слышит и не вторит.

Лепечет сад: моя строка молчит.
Накроем стол, давай, устроим
праздник.
Высокородный сад велеречив.
По дереву стучу, чтобы не сглазить.

Смотрю за садом. Вымышленный сад,
пусть скачет сам, освобожу поводья.
Осталось мне вослед лишь написать:
«Вишнёвый сад цветёт,
как всё в природе».

Объединённый сад с большой луной
придуман мною. Почерк диковатый
строчит, как есть:
«Вишнёвый сад живой…»
Но возражает Чехов деликатный.

Юрий Мамлеев

Неутолённость

Монолог

Когда Америке мы приехали в Итаку, в Корнелльский университет, там был фестиваль Чехова. Но там Чехов больше популярен как драматург. И я заинтересовался, почему такой культ Чехова на Западе. Я спросил – в чем дело? И спросил конкретно – как вы воспринимаете «Вишневый сад»?

И мне ответил профессор: «Вишневый сад – это гениальная пьеса абсурда. Как вы этого не понимаете? Гениальнейшая пьеса абсурда появилась еще до того, как абсурд вошел в репертуар европейских театров».

То есть они рассматриваю все такое щемящее русское, непонятное как явление русского сюрреализма, русского абсурда. А для нас, видимо, есть там какой-то момент неутолённости. Неутолённости всечеловеческой.

Все герои Чехова что-то ищут. Но ищут пустоту. Чего-то не хватает, какого-то воздуха. То ли через 300 лет ехать в Москву – в будущее, там ангелы поют. То ли чайка с ее тоскующими моментами. А такого реального объекта тоски, как европейская тоска, скажем, тоска по раю, тоска по какой-то возвышенной жизни, здесь этого нет. Здесь она такого характера, что выходит за пределы земной жизни, жизни вообще, и сам принцип заключается в ее неутолённости. Тоска по тому, чего нет. То есть это уже выше нормальной тоски. Как у Волошина:

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутолённою верой
Твои запеклись уста.

В данном случае в стихе шла речь о неутоёенной вере, а здесь у Чехова и веры нет, там есть только неутолённость. Неутолённая вера – другое дело, это уже состояние метафизической тоски, когда нужна не только вера, но и, скажем, богопознание, вхождение в природу Бога. Или поиск Бога в самом себе. Но здесь – неутолённость.

Осознавал это Чехов или не осознавал, написал ли он гениальную пьесу или гениальную летопись абсурда, но это гениальная пьеса русской тоски, такой скрытой, нежной, неутолённой. И если говорить о чеховских рассказах, если обывательская жизнь такая ограниченная, она всегда ограниченная, жизнь вообще ограниченная – внешне, никто не живет чисто бытовой жизнью, иначе это были бы не люди, – она в его рассказах показана так, что там нет идеи выхода из этого. И получается такой странный обрыв, что нет объекта. Такая внутренняя неудовлётворенность – почему, откуда? Кажется, что все есть – и театр, и музыка, пожалуйста, такое возвышенное. Но какое-то ощущение, что, может быть, какой-то изъян жизни. Потому что есть в кумранских рукописях такие слова, что этот мир создан по ошибке. И демиург, который принимал в этом участие, наказан. И поэтому Чехов – это загадка, это тайна.

Потом эта знаменитая фраза: «Мисюсь, где ты?» – проще некуда. Но именно в контексте рассказа она удивительна. Возникает ощущение – не то что она где-то там, в другом месте, в другом городе, может быть, в другой стране, а где-то – имеется в виду весь мир. То есть она может быть на том свете, она может быть на звездах, она, может быть, воплотилась во что-то. Как он сделал из такого простого вопроса космический вопрос, вопрос, бьющий в сердце? Не то что она уехала, а – где ты в принципе можешь быть?

Чехов ухватил какой-то такой момент, который нетронутый переносится из десятилетия в десятилетие

Казалось бы, его литературное письмо простое, как бы простое. Но когда пытались имитировать, ничего не получалось.

У меня был в юности знакомый, он меня уверял, что он изобрел такой код, тайный код сущности писателя, настоящего писателя. Если знать этот тайный код, тогда любой другой человек сможет написать с такой же силой, как Лев Толстой, или Достоевский, или Чехов.

Но проблема заключается в том, что тайный код Чехова не разгадан. Тут и тайны нет вроде. Смотришь – тайны нет, а она есть. Поэтому западный человек с его прямолинейной логикой и вывел, что это – гениальные пьесы абсурда. Написал Чехов всего пять пьес, а слава его как драматурга вторая после Шекспира. Остается только недоумевать, потому что в этом отношении он совершенно исключительный писатель.

Сцены из спектакля «Вишневый сад» Корнелльского университета, 1992 . Режиссер Брюс Левит, дизайн – Кент Гетц.

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС – графикозавр
Париж

Чайки

Чайка белая
плывет, пышнотелая,
по мягкой равнине
утихших теней.

Чайка красная
хохочет, горластая,
над синей могилой
морских кораблей.

Чайка черная
летит, обреченная,
в бесцветную прорубь
минувших дней.

Морской сонет

Живу на берегу больного океана, —
покрыт он сыпью сотен тысяч лиц,
и чайка жирная вонзает клюв как шприц
в тяжелых вод зияющую рану.

Здесь плавает резиновая фауна
коней дырявых и бескрылых птиц,
и рыб безмозглых, падающих ниц
пред оком черного Левиафана.

Он медленно восходит из глубин,
отравленной пучины властелин,
он язва тайная морского организма.
Но нам не отделить последствий
от причин,
и пустим наконец, чтоб выбить клином
клин,
мы бомбы ядерной грохочущую клизму.

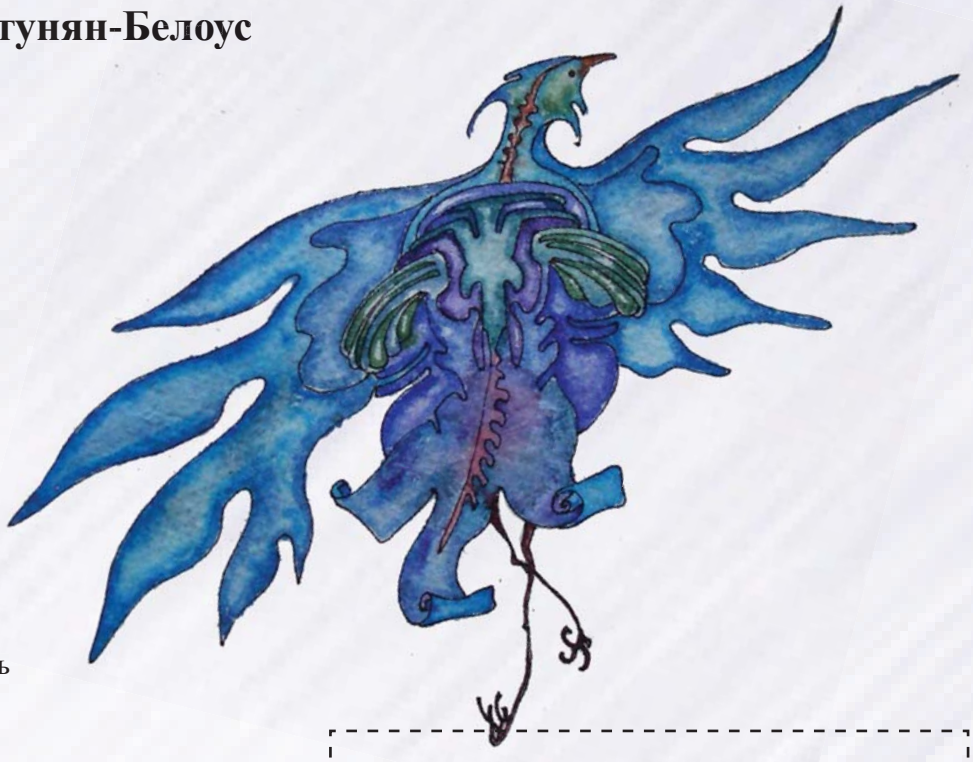


Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус (бумага, смешанная техника)

Майка Лунёвская

Тамбов

ШшшШшшш

У глухого море – в кастрюлях,
в пустых трёхлитровых банках,
в эмалированном чайнике,
в твидовом пиджаке
(в карманах – песок,
в рукавах – по чайке)
У глухого море – на языке

Ш-ш-ш-ш-ш
Ш-ш-ш-ш
ш-ш-ш

Он пускает в окно пожелтевшие корабли,
их сердитый дворник потом подберёт с земли.
Море шумит

Ш-ш-ш-ш-ш
ш-ш-ш-ш

Глухой слышит море

Маргарита Аль
ДООС – стрекозАль

из всех чудес я выбрала тебя

ты мой недуг
из неземного сна
из жизни вывернутой в свет потусторонний
чужая жизнь преследует меня
чужая смерть преследует меня

я отпускаю в небо небо
не дай мне Бог дожить до пустоты
не дай мне Бог забыть про звёзды
ещё прошу мгновение одно
любви
для Солнца и Луны

за эту боль
что не находит места
чем расплачусь
кого благодарить
как свечи зажигаю звёзды
и обгоняю свет

вернусь
так думала вчера
сегодня я вернулась в день вчерашний
но только год другой
и век другой
и ты другой

а он стоял
и ждал
и был готов
продлить наш договор
мгновение
роняло лепестки
на пальцы рук

я расскажу тебе про сон
здесь не вращаются
ни солнце ни луна ни тень вселенной
здесь даже Бог не жил
здесь ангелы как райские цветы
и демон
бестелесный дух

дрожали руки закрывая дверь
дрожали звёзды распахивая окна
весь мир дрожал
вокруг
и круг дрожал

и вдруг всё замерло
остановилось времяипространство
забыли бить в колокола
и зеркала остановили бег

«Не сразу, а постепенно постигаешь радость сближения с любимой женщиной. Это как с хорошим старым вином. Надо к нему привыкнуть, надо долго пить его, чтобы понять его прелесть».

«Женщина есть опьяняющий продукт, который до сих пор ещё не догадались обложить акцизным сбором».
«Если пишешь о женщинах, то поневоле должен писать о любви».

«Женщины без мужского общества блекнут, а мужчины без женского глупеют».

А. Чехов

Кира Сапгир

оса ДООСа
Париж

Я писал в любом жанре,
кроме доносов. А. Ч.

Антоше Чехонте
посвящается

•

Юмор может быть белый, чёрный, ёрный и даже серный – но только не серый!

•

Разговор с книгоиздателем:
– Вас из даст
и аз воздам!

•

– Я?! Мемуары?! Да никогда в жизни! Мне нечего скрывать!

•

Эдип твою мать!

Нашему всеобщему
папаше Зигмунду
посвящается

Мольер
До шуток был охоч.
Не прочь
Иметь и мать, и дочь.
Но тот, кто взял с него пример,
Не обязательно Мольер!

•

Франц Меринг всю жизнь писал биографию Маркса. К концу жизни он постарел, поседел, и друзья называли его «сивый Меринг».

•

Философ Гоббс любил играть на скрипке. Друзья называли его «Гоббс со смычком».

«Вы будете в Мюнхене? Там превосходные оптики. Если случится Вам быть в оптическом магазине, то возьмите прейскурант поподробнее, со зрительными трубами, телескопами и микроскопами – и потом подарите мне».

Из письма Ф.О.Шехтелю.
8 декабря 1896 г. Мелихово.

Семен Гурарий

Мюнхен

MÜNCHEN

обвиняемый
судья
свидетель
солдат
убийца
музыкант
зло
равнодушье
добродетель
бездарность
дирижёр
талант...
словоохотливо
молчит
несётся
топчется
на месте
торопится
не движется
летит
транжирит
собирает
вести...

всегда
ещё
уже
почти
пока
иллюзии
туманы
завещанья
ничто
нигде
пустоты
облака
тщета
разлуки
обещанья...

Валерия Нарбикова
ДООС

Каштанка – про человека

Про гения проще говорить, чем просто про хорошего.

Ну что там говорить про гения? Гений он и есть гений.

А вот хороший писатель, он ведь хороший и в то же время – не такой уж хороший. Можно сказать, даже совсем не хороший. Ну что в нём хорошего?

Чехов как раз из таких хороших писателей, который может быть предметом разговора, когда поговорить охота.

Эту «даму с собачкой» так перемусолили. А что хорошего? И он и она – оба неудачники. А рассказ удался.

– летают в вакууме три с половиной планеты

– не планеты, а галактики

– ну галактики, какая разница

– это всё равно, что три с половиной листочка опавших на всю Москву

– ты скажи, будем «Чайку» ставить?

– да ну её. Давай лучше поставим «Каштанку».

– это же рассказ

– какая разница, главное, что Чехов написал, а нам надо Чехова, а не «Муму», вот когда придёт год Тургенева, тогда будем обсуждать «Муму».

С Каштанкой как-то повеселее. Опять же собачка на сцене. Я могу, кстати, эту собачку, эту Каштанку сыграть. Что у нас, Зоопарк что ли? Ты бы ещё жирафа притащил. Нет, жираф это у Гумилёва. А у нас – Чехов. Давайте поставим очень скучно, с нежностью до некстати, чтобы все зрители расходились. Так у тебя от зрителей никого не останется. Ну и хорошо, а тот, кто останется хоть один, для того, для одного – и сыграем. А что сыграем? Да хоть «Чайку». Здрасьте, приехали. Давай лучше про «Каштанку».Самая, конечно, важная роль – это собачка Каштанка. А её можно вдвоём играть. Одну роль – вдвоём? А можно вообще втроём – Каштанка в детстве, в отрочестве и в юности. И вообще-то мы играем про человека. А где здесь человек? А человек в уме...

Специально для ПО. Андрей Врадий
«Каштанка» (компьютерная графика), 2015 г.

Владимир Павлов
Великие Луки

Собака в метро

Собака
В вагоне метро.
Куда ты путь держишь?
Давно?

В глазах грусть –
Немое кино.
Быть может, все люди:
– Гав... Но,

Подземки
Слепое нутро
Сожрало надежды.
Все суки в авто.

Бомжи.
Продавцы. Кимоно.
Людские артерии –
До, до, до,...

Хотелось бы
Выпить «Ситро»
И студня, легко,
Съем ведро.

Собака
В вагоне метро.
Куда? Тсс...,
Не знает никто...

22.04.2007

Алексей Давыдов
доктор культурологии

Пушкин – Чехов – Достоевский

Иерархия героев в статье расположилась следующим образом: Пушкин, затем Пушкин –Чехов и затем Пушкин –Достоевский. Я пытаюсь понять, почему Чехов, а не Достоевский продолжил пушкинскую методологию анализа человеческой реальности, почему Пушкин и Чехов находятся сегодня в эпицентре мысли, анализирующей русскость.

Достоевский вышел не из Пушкина, а из общинно-религиозной толщи русского народа.

Достоевский моралист, Пушкин – нет.

Герои Достоевского и в Другом, и в «сфере между» ищут добро, пушкинская мысль движется по ту сторону добра и зла.

Для Достоевского главное – право каждого на голос. Пушкину это тоже важно, но оно для него не главное, важнее – его способность к поэзии как движению между голосами в поисках нового голоса.

Достоевский пытается «исправлять» действительность, для Пушкина основная цель – его поэзия, которая, будучи истинной, сама уже является исправленной действительностью, потому что слова поэта суть уже его дела.

Сущность поэтики Достоевского – в полифонии смыслов, сущность поэтики Пушкина – в их гармонии. Поэтому диалог Пушкина результативен, ведет к небесно-земному, богочеловеческому третьему. А «не-слиянно-нераздельный» полифонический преддиалог Достоевского не способен менять организацию отношений и не синтетичен. Полифония Достоевского – это диалог-статика, диалог-утопия, диалог-религия. Это – форма застревания русской культуры.

Одно из значений Пушкина в том, что из его логики художественного видения реальности выросла логика художественного мышления Чехова. Пушкин предложил российскому обществу тему для обсуждения, которую можно определить как патологию российской культуры. Значение Чехова в том, что он сделал анализ этой патологии основной темой своего творчества.

Пушкин пришел к выводу об инверсионности, «пародийности» русского общества, цивилизационной незрелости, культурной незавершенности формирования русского человека. Его вывод проявился, пожалуй, не столько в Онегине, сколько в царе Борисе. Именно дух Бориса присутствует в неспособных к адекватной самооценке персонажах Тургенева, Гончарова, Достоевского, Чехова. Чеховское творчество стало апофеозом анализа неспособности русского человека к принятию эффективного решения. То, что у Пушкина было частью спектра мира, у Чехова стало целым. Иррациональность, неэффективность, раскол в культуре, ее неспособность к выживанию, царь-борисовость России стали основными в чеховском творчестве, где умирание проанализировано как социокультурная проблема.

Чехов, следуя пушкинскому принципу «Цель поэзии – поэзия», развил другую сторону этой «цели». В чеховской логике преследование этой цели может привести к обнаружению неспособности рефлексии быть целью самой себе, неспособности быть мерой себя. Это понял уже пушкинский Борис, хотя не осознал еще причины этого.

Чехов открыл рефлексию абсурда как феномен культуры – рефлексию, суть которой в сознательном уничтожении рациональности, равнозначном неспособности к выживанию. Если Гоголь писал, что он «в добре не видит добра», то Чехов признавался, что «ничего не понимает из того, что видит». Вывод о том, что умом Россию не понять, принимает у него трагическую глубину. Писатель переходит на принципиально иной уровень анализа культуры: от философствования по поводу непознаваемости России к философствованию по поводу неспособности русского человека понять смысл своего непонимания себя, то есть к осмыслению вырождения рефлексии русского человека. Чехов, как и Пушкин, устранив иллюзии из своего анализа, показал, что русская рефлексия опасно и хронически больна. Диагноз болезни – патологическая неспособность рефлексии быть рациональной, принимать эффективные и, следовательно, нравственные решения, т. е. быть собой.

От этой болезни, по Чехову, уже ничто не спасает. Оказывается, красота, любовь, вера, Бог, если они потусторонни и не образуются из рефлексии и рационального функционирования культуры, есть формы порабощения человека. Счастье ведет к несчастью. Красота создает уродство жизни. Любовь переходит в ненависть. Вера в Бога становится безбожной. Жизнь порождает духовную смерть человека при его биологическом функционировании.

Чехов подчеркивает глубокий раскол и инверсионность в самой логике существования потусторонней культуры. Пушкин увидел начало вырождения русского субъекта культуры, Чехов – писатель его апофеоза. Чеховские персонажи не могут принять решения. Никакого. Все их решения половинчаты, противоречивы, взаимно исключают друг друга и отменяют предыдущие. Поэтому они трагично неэффективны. У каждого персонажа своя правда, поэтому монологизм чеховских героев достигает предела. Деградация русского субъекта культуры, начавшаяся в Борисе, достигла дна.

На первый взгляд кажется, что герои Чехова не претендуют на самоутверждение и самосовершенствование и преодолели инверсионную логику героев Достоевского. Создается впечатление, что они руководствуются нравственностью, основанной на

объективном анализе и любви к ближнему. Но это не так. В основе их нравственной импотенции – та же инверсия, но возведенная в абсолют. Россия, по Чехову, и сегодня населена «скифами», «эскимосами» и «печенегами». Они устремлены к добру, но необходимо порождают зло. Они – гоголевская статичность, лермонтовский фатализм, гончаровское бессилие в действии, традиционализм и эсхатологизм пушкинского Бориса. Все это вместе Чеховым экстраполировано на всю русскую культуру как логика ее воспроизводства.

Не точно, что Чехов является писателем растерянности перед жизнью или страха перед смертью. Скорее он писатель патологии рефлексии. Достоевский так же, как и Чехов, писатель заболевания русской культуры, но понимание глубины болезни у них принципиально разное. Герои Достоевского возмущены несправедливостью этого мира и ищут альтернативные пути для решения проблемы признания высокой ценности человека в России. Такими путями могут быть бунт против Бога, церкви, самодержавия, общества, несправедливости, насилия, лжи, несовершенства мира или эгоизма. Его герои чувствуют свою правоту в момент принятия решения и страдают от неправоты других. У них есть надежда на спасение, пусть даже она иллюзорна, заключается в их заблуждениях и ведет к новым. Они опираются на интерпретацию Бога, совести, традиции, морали, добра. Анализ Достоевского – это культурология на уровне ценностей добра и зла.

Чехов работал на ином уровне. Его герои не возмущаются несправедливостью Бога и людей. Они догадываются, что не способны жить. Но не потому, что боятся смерти либо растерялись перед жизнью, а потому, что бессильны перед патологией собственной рефлексии. Они не обладают инструментом самоанализа. Герои Достоевского не понимают, что они патологичны. Поэтому альтернатива в культуре, выдвигаемая Достоевским, несет существенный элемент утопии. Чеховские герои понимают, что они патологичны, «серы» (Булгаков С. Н. Чехов как мыслитель.// Булгаков С. Н. Соч.: в 2 т. Наука. 1993. Т. 1. С. 144), «полуживы» (Розанов В. В. Наш «Антоша Чехонте».// Розанов В. В. Мысли о литературе. М., Современник. 1989. С. 304), «бессодержатель¬ны» и «ничтожны» как «мыльные пузыри» (Трубецкой Е. Смысл жизни. М., Республика. 1994. С. 328). Они понимают, что их жизнь это – «умирание» (Мильдон В.И. Чехов сегодня и вчера («другой человек»). М., ВГИК. 1996), и именно поэтому чеховская альтернатива реальна, она – в самом этом понимании.

Чеховский индивидуализм вырастает из пушкинской середины. Соборно-религиозный гений Достоевского происходит из российской традиционности. Пушкин стоит существенно в стороне от Достоевского. И в этих соотнесенностях с Чеховым и Достоевским историческое значение Пушкина. Сравнение Чехова с Достоевским необходимо именно на основе их отношения к народничеству, «народной правде». Достоевский верил в здравый смысл русского народа, который через веру, любовь, братство, труд, пользу способен предотвратить революцию. А Чехов показал, что здравый смысл в России невозможен, если он не преодолевает безрефлективность веры, любви, братства, труда, пользы, осмысливаемых через нерасчлененность, синкретизм народнического интеллигентского сознания. Религиозное народничество Достоевского противостоит индивидуализму Пушкина-Чехова.

Значение Достоевского в том, что он существенно углубил пушкинский анализ инверсионности русской культуры, неспособности русского человека выйти за рамки культуры. Достоевский сформулировал ряд факторов саморазрушения русской культуры. Первый – забитость «забитых людей», у которых самостоятельная мысль в силу специфики их исторического воспитания еще не сформировалась (Добролюбов Н. А. Забитые люди. //Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., Гослитиздат. 1935. Т. 3. С. 367-408). Второй – вульгарный атеизм толпы, провозглашение человека Богом и девиз «все позволено». Третий – сознательная самоориентация субъекта, например, «подпольного человека», на иррационализм, на уничтожение рационального содержания в своей рефлексии, на смерть. Это точно почувствовал Н. Бердяев (Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства.: В 2 т. М, Лига.1994. Т. 2. С. 53). Четвертый – абстрактная, абсолютная любовь потустороннего Бога к человеку. Она хотя и спустилась на землю в образе сияюще-молчащего Иисуса, но не стала от этого более диалогичной и человечески-постижимой и потому создает лишь иллюзию альтернативы. Об этом писал В. Розанов (Розанов В. В. О легенде «Великий инквизитор».// Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., Республика. 1996. С. 11-113. См. также Розанов В. В. Христос как судия мира.// Розанов В. В. В темных религиозных лучах. М., Республика. 1994.С. 74-79).

Достоевский указал на патологию: русский человек ищет нравственное решение, принимая при этом решения безнравственные, потому что его способность к рефлексии парализована. Этому выводу Достоевского поразился З. Фрейд (Фрейд З. Будущее одной иллюзии.// Фрейд З. Сумерки богов. М., Политиздат. 1990. С. 126). Достоевский углубил анализ феномена инверсионной логики в русской рефлексии, открытый Пушкиным в образах Онегина и царя Бориса. Писатель еще не осознал общекультурного значения этой логики, но интуитивно установил ее фатально-саморазрушительный характер.

Достоевский внес огромный вклад в изучение слабой рефлективности русской культуры, и его способ анализа был и до сих пор остается важным фактором ее гуманизации. Однако он свято верил в здравый смысл русского народа, в его способность не допустить катастрофы революции, и в опоре на Бога победить Дьявола разрушения в себе. Жизнь показала, что Достоевский заблуждался. «Сейчас даже можно прямо сказать, что Достоевский ошибся, что в русском народе не оказалось противоядия против антихристовых соблазнов той религии социализма, которую понесла ему интеллигенция», – пи-

сал в 1918 году Н. А. Бердяев (Бердяев Н. А. Духи русской революции.// Из глубины. Сб. статей о русской революции. М., Новости. 1991. С. 69).

Достоевский увлечен потусторонностью и мистикой, его идеалы мессианства, соборности, народничества, национализма, шовинизма и богоискательства были чужды Пушкину. Дуалистическая культурология Достоевского была гуманистической, но, углубляя пушкинский анализ русской традиционности, его культурология, в отличие от пушкинского анализа, несла в себе слабый альтернативный потенциал. Пропитанная духом потусторонности и иллюзий, она не была способна предложить России реальную меру культурного синтеза.

Достоевский предлагает народнический ответ на проблемы, поставленные Пушкиным. Чехов дает честный ответ и Пушкину, и Лермонтову, и Гоголю, что Россия не способна позитивно ответить на поставленные ими вопросы. Принципиальное отличие ответа Чехова от ответа Достоевского в том, что чеховские герои утратили все надежды.

Чехов, анализируя русского интеллигента, не увидел в нем того здравого смысла, который Достоевский пытается обожествить у народа и выразителем которого пытается сделать религиозно-народническое интеллигентское сознание. Вот основные черты вырождения русской рефлексии, определенные чеховским анализом культуры. Это – статичность, бессилие в действии, инверсионность в логике, фатализм, одновременное требование абсолютной справедливости и свободы, иллюзорные надежды на всесилие потусторонности – «Божью правду» и «народную правду», слабая способность к объективному анализу, диалогу, принятию решения. Это – неэффективность, двойственность, расколотость. Отсюда – низшие формы органического развития и изначально гипертрофированные до патологии социальные отношения. И отсюда – слабая сопротивляемость нарастающей сложности мира, фатально-всеобщая неспособность к осознанию неотвратимости надвигающейся гибели, неумение осмыслить нарастающую бессмысленность своего существования в существующих формах и, следовательно, неспособность к выживанию.

Достоевский анализировал человека, меряя его абсолютной ценностью Бога и народа, Чехов анализировал человека в смысловом пространстве между Богом и народом. Чехов, как и Пушкин, не был ни религиозным, ни народным писателем, но нес в своем творчестве элемент и того, и другого. Определения «религиозность» и «народничество» содержат в себе абсолютизацию идей Бога и народа. Но религиозность и народность Чехова заключалась в анализе и критическом освоении этих полюсов культуры, а не в их абсолютизации. Выдавливать из себя по капле раба, – значит, по Чехову, выдавливать из себя веру в спасительность потусторонности, сложившихся смыслов культуры, веру в то, что красота спасет деградирующего субъекта от деградации, в то, что любовь должна приноситься в жертву неспособности жить как спасение, что Бог спасет человека, который поверит в то, что Бог есть, что что-то или кто-то, например, народ, спасёт человека, если человек поверит в спасительность его как в Бога.

Российская критика высказывается почти единодушно: Чехов – писатель социального коллапса, тупика в русской культуре, деградации и смерти. Но что значит сказать о безвыходности положения и о том, что культура умирает? Что значит заявить о патологии русской рефлексии? Это как раз и значит найти самую эффективную альтернативу ее умиранию. Заявить, что русский человек на традиционном пути своего развития не является представителем homo sapience в интеллектуальном понимании, есть великое достижение пушкинско-чеховской методологии поиска альтернативы. Такое отрезвление субъекта лишает его иллюзий и впервые вооружает рефлексией, т. е. рациональностью, цельностью и мужеством.

Гоголевский призыв к людям: «Не будьте мертвыми, а будьте живыми» — продолжился в чеховской мечте о «другом» человеке и о «Боге живого человека». Чеховский «Бог живого человека» это – посюсторонний Бог рефлексии, а не Бог царства небесного и не потусторонний Бог «мертвых душ». Из чеховских цитат можно было бы составить более десятка идеалов, которые автор противопоставил современной ему социальной действительности. Дело не в них. Чехов анализировал способность человека стать «другим» в сфере между Богом и человеком. И центральная проблема становления «другого» человека в России – в том, что «Бог живого человека» как медиация не может утвердить себя в культуре, где господствует патология – потусторонняя нравственность «мертвых душ», инверсия. Идеи пушкинской медиации нашли себя в чеховском творчестве.

Чехов довел пушкинский анализ образа Бориса как социальной программы деградации русской культуры до конца, т. е. до признания деградации рефлексии субъекта культуры и вырождения русского человека как культурного типа. Критики, либреттисты и сценаристы знают, что Пушкин придавал особое значение «Борису Годунову», но стараются не замечать альтернативности, заложенной в катастрофизме Бориса. Но если образ Бориса и приукрасить можно, то все чеховское творчество, как от начала до конца анализирующего царь-борисовский катастрофизм, приукрасить невозможно.

Пушкин исследовал, в основном, смысл полюса «божьей правды». Чехов исследовал, в основном, интеллигентский, городской вариант «народной правды», народнические ценности, отрефлектированные в синкретичном интеллигентском сознании. Оба искали альтернативу абсолютизации значений этих полюсов, опираясь на ценность индивидуализма в сфере между Богом и народом.

Пушкинско-чеховская методология анализа русской культуры с позиций современной науки должна рассматриваться как целое.

Лидия Григорьева

ДООС – стреказанка
Лондон

* * *

Напрасно я сомкнула очи,
поскольку снова не до сна.
Светает, что ли, среди ночи,
или окно сверлит луна?

Сияний северных свеченье
на зимний небосклон взошло
или по праву исключенья
сверкает лунное сверло?

Такие сполохи и звуки
вонзаются в ночную тишь,
что этой каверзы и муки
не выразишь и не заспишь...

01.01.06

«**Треплев**. Вот тебе и театр. Занавес, потом первая кулиса, потом вторая и дальше пустое пространство. Декораций никаких. Открывается вид прямо на озеро и на горизонт. Поднимем занавес ровно в половине девятого, когда взойдет луна.
Нина. Весь день я беспокоилась, мне было так страшно!.. Красное небо, уже начинает восходить луна…
Треплев. Становитесь по местам. Пора. Луна восходит?

Поднимается занавес;
открывается вид на озеро;
луна над горизонтом,
отражение ее в воде;
на большом камне сидит
Нина Заречная, вся
в белом».

Геннадий Кацов

Нью-Йорк

Прогноз погоды

Метель по понедельникам, затем
Мороз и солнце ровно до субботы, –
И так весь месяц, не теряя темп:
Погода, в лучшем смысле, есть работа.

Рисунок белых лилий на стекле
И синих лилий в небесах хрустальных
Уже совпали, ибо им в тепле
Не сохранить ни абриса, ни тайны.

И так же вся неделя января
Последняя, под знаком Водолея,
Продлится в феврале, и ты не зря
Достал «чернил» и стал на час теплее.

И стал читать снежинки по одной,
Как будто в них посланье от любимой,
Как будто в них, как раннею весной,
Растают письма почты голубиной.

02.06.2015

Андрей Бударов

Вологда

* * *

Мой демон-хранитель ночует в часах,
И стрелки под весом незримого тельца
Согнулись, как когти, и сон мой зачах,
И скоро покинет владельца.

Мой демон-хранитель истлеет в часах,
От праха застрянут тревожные стрелки,
Но тонкими струйками вытечет прах,
Когда съем луну я с тарелки.

* * *

Если замёрзли руки,
Если замёрзли ноги –
Выпей лунного свету,
Пусть замёрзнет и сердце.

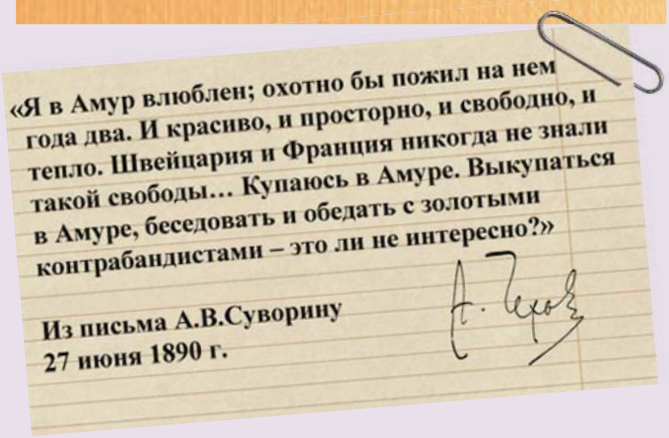
Артём Савельев

* * *

Ах, это взгляд…
египетской царицы
невозмутимой, вечной глубины.
Не оставляет даже смысла
откупиться
от ниоткуда взваленной вины.
Не убежать
уже, не откреститься:
вцепился взором, дна лишившись из под ног…
Как кролик,
наткнувшийся на львицу –
ей все подвластно, ей все одно.

Амур

Бесшумно
Слепо
Однозначно
Среди
Уплясанных людей
Амур,
До шепота
прозрачный,
На абордаж
Бросается, злодей.
Ничто
В расчет
Не принимая,
Свои
Освоивши права,
Всего лишь взглядом
Заменяет
Любые
Лучшие слова.
Еще
Какое-то мгновение
Ему
Дозволено прожить…
Всего лишь за секунду
продолжения
Я рад полжизни
одолжить.
Уже
Не нужно и не важно
Каких-то
Смыслов понимать:
Тебя
Спокойно и отважно
Как можно
Дольше
Обнимать.


«Я в Амур влюблен; охотно бы пожил на нем года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы… Купаюсь в Амуре. Выкупаться в Амуре, беседовать и обедать с золотыми контрабандистами – это ли не интересно?»

Из письма А.В.Суворину
27 июня 1890 г.

Евгений Степанов

друг ДООСа

Жизнь
распорядилась
иначе

я был бы хорошим французом
покупал бы на винодельческих фермах
недорогое вино
тратил бы время на работу и женщин
иронизировал бы над бельгийцами
(американцами)
я думал бы о сегодняшнем дне

я был бы хорошим немцем
выращивал бы на даче яблони и туи
подстригал бы газон
ругался бы на русского президента за то что он
поднимает цену на газ
я думал бы о сегодняшнем дне

я был бы хорошим американцем
улыбался бы как
(не буду уточнять – кто)
говорил бы по поводу и без повода fine
легче бы относился к жизни
я думал бы о сегодняшнем дне

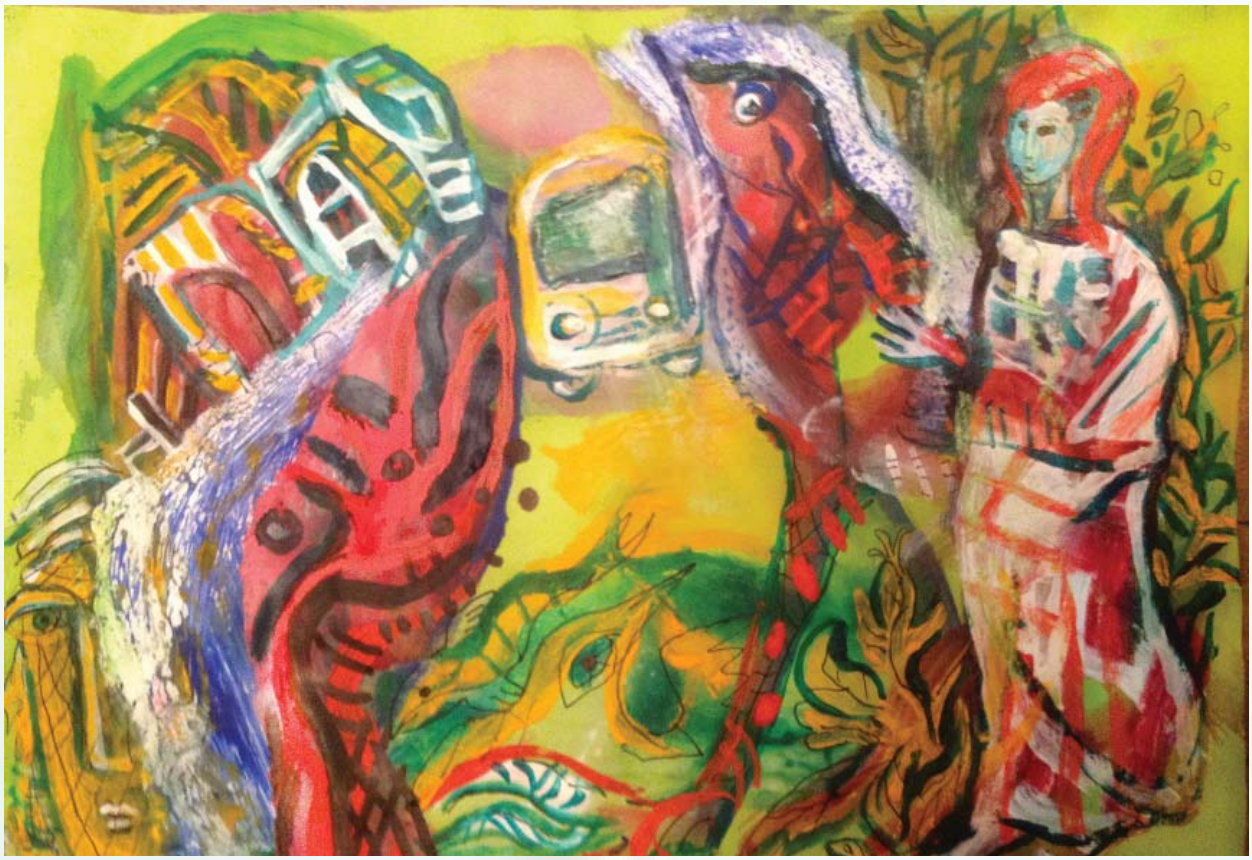
я был бы хорошим израильтянином
зарабатывал бы деньги
покупал бы золото своей Хаечке
воспитывал бы детей
я думал бы о сегодняшнем дне

однако жизнь распорядилась иначе
я родился и живу в России
в моей любимой России
в которой ничегошеньки не понимаю
и в которую разумеется верю

21.12.2013
Москва
ул. Черняховского

Галина Мальцева
ДООС – стреказелла

«Нина и красная чайка»
(смешанная техника), 2015 г.



Дмитрий Цесельчук

Перстень короля

Где перстень золотой колеблет океан
В него свое бросая отраженье
Сегодня полный штиль и я пожалуй пьян
Дотренькался до головокруженья

Останься милый сон со мной Еще побудь
Я так скучаю без хотя бы моря
Колокола медуз толкают нежно в грудь
Подумаешь еще какое горе

Тут заскрипит диван и кошка заскребет
Сударыня входите дверь открыта
Там чайка по воде голодным клювом бьет
И моря перламутрово корыто

А перстень короля из Сельмы Лагерлеф
Как бишь его по-моему Артура
Играет на воде Сегодня чудный клев
И чайка с рыбой взмыть не может в небо дура

Великолепный куш красавица кефаль
Не перстень золотой вокруг бликует стадо
И чайки гонят их как полонянок в даль
Увидеть это все пожалуй вся награда

Где перстень золотой колебля океан
В него свое бросает отраженье
Сегодня полный штиль и я от счастья пьян
Дотренькался до головокруженья

Елена Свечникова
кандидат культурологии
Минск

Трижды три сестры

По отношению к женщинам – циник.

По отношению к прозе – мастер.

А также – весьма специфичный драматург, чьи пьесы неспешны, как сама жизнь, и почти несценичны. Сколько чеховских постановок балансировало на грани провала! Каким неясным для современников оказался жанр!

Чехов так иронично называл трагедию жизни комедией… Сочетал несочетаемое, высокое и пошлое, как умеет сочетать только сама Жизнь; мастерски писал пародийные монологи – а попробуй-ка, будучи гениальным творцом, сымитировать писательскую беспомощность, пошлую выспренность, как это сделано в знаменитом монологе Заречной «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки…» Этот «философский дивертисмент» (по выражению С.Г. Бочарова), сборная солянка из философских идей, куропаток, рыб, Шекспира и пиявок, нарочито безвкусно расположенных в одном ряду, по сей день является камнем преткновения для режиссеров: то ли свято верить в Мировую душу и высокий полет идей, то ли изображать опошление идеализма юной провинциалкой и бездарным писателем. Возможно, авторская трактовка монолога прояснится, если обратиться к написанной за двенадцать лет до «Чайки» убийственной пародии «Нечистые трагики и прокаженные драматурги» («Ужасно-страшно-возмутительно-отчаянная трррагедия; действий много, картин еще больше»). Среди действующих лиц пьесы была Публика – дама, которая «кушает все, что подают». Начиналась драма с апокалиптического Эпилога (ибо «чем невероятнее, тем лучше»), в котором у кратера вулкана, за столом, покрытым кровью, сидит драматург с черепом вместо головы (во рту горит сера, из ноздрей выскакивают чертики), и макает перо «в лаву, которую мешают ведьмы». «Страшно. В воздухе летают бегающие по спине мурашки. В глубине сцены висят на раскаленных крючьях трясущиеся поджилки. Гром и молния. Календарь Алексея Суворина (губернского секретаря) лежит тут же и с бесстрастностью судебного пристава предсказывает столкновение Земли с Солнцем, истребление вселенной и повышение цен на аптекарские товары. Хаос, ужас, страх... Остальное дополнит фантазия читателя». Как видим, треплевский спектакль имеет те же атрибуты: инфернальность (сера, дьявольские горящие глаза), апокалиптичность (всё живое умерло, планеты погибли). Есть и другие совпадения: постоянный хаос (обмен атомов), «холодно-холодно-холодно-пусто-пусто-пусто-страшно-страшно-страшно-ужас-ужас» (отмечу, что повторы не помогают создать атмосферу: нас пугают, а нам не страшно).

Маша – О. Л. Книппер, Ольга – М. Г. Савицкая, Ирина – Н. Н. Литовцева («Три сестры», 1901 г.).

Больше века отделяет нас от чеховской эпохи. В 70-х – 90-х годах XIX века этот человек прошел путь от первой авторской попытки, от пародий и газетных фельетонов до вершин прозы, истинных шедевров, в которых выверена каждая фраза, тщательно подобрано каждое слово. Чем больше лет отделяет нас от текста, тем труднее сказать о нем нечто новое. Тем не менее, попытаюсь.

Что обычно остается незамеченным? То, что Чехов не реалист, а символист. «Истинный символизм совпадает с истинным реализмом», – писал Андрей Белый в работе о Чехове. В текстах писателя символизм присутствует почти незримо, проступает сквозь реалистичную канву, это действительно «символизм реализма», по выражению А.Белого.

Словно поддразнивая читателя и зрителя, Чехов открыто – «поверх голов» персонажей – поясняет: «И вот эта чайка тоже, по-видимому, символ…». В «Чайке» есть особый уровень текста, можно сказать, метатекста, это явление напоминает «спектакль в спектакле» или авторскую реплику «a parte» – только здесь в качестве вставного элемента присутствует

концепция нового искусства: периодически в репликах персонажей обозначается авторская позиция – говорится о поиске новых форм, о принципах и методологии творчества, о том, что автор использует символы-загадки для зрителя.

Символы проступают… Имя, число, название, структура – все может иметь символическое значение. Символичны названия чеховских пьес: «Чайка», «Вишневый сад», «Три сестры»… Птица-душа, эдемский сад… а кто эти вечнотоскующие сестры? Над русской литературой реет античность – античный фатум, лексическая неизбежность – вся история культуры будто вынуждает нас строить свои тексты из античных образов, сюжетов, мифологем. Чеховские три сестры – это мойры, богини судьбы, прядущие нить жизни, а затем прерывающие её... Такой легкий прыжок из гомеровской бездны в действительность русских усадеб и метафизичность русской тоски! Мойры – это или синонимичные им скандинавские божественные норны – в любом случае, три сестры – персонификация судьбы, вялой, застывшей, как болото, судьбы русского интеллигента-барчука.

В мифологии Европы есть еще одна триада: это три кельтских богини с птицами в руках. И та же триада, но униженная христианской трактовкой – «шекспировские» ведьмы, «пузыри земли». Корни этой триады – в тех временах, когда люди верили в Богиню-Мать. Ирландская богиня Бригита, богиня-птица, также воплощалась в триаде женщин. Все эти триады – от кельтской до чеховской – вариации на тему инварианта, образа древнейшей Богини – Матери всего живого, жизнь дающей и забирающей.

Археолог М. Гимбутас (Гимбутене) поясняет: «Богиня-смерть часто является в виде одной, даже трех женщин в белом (цвет костей)…». Три женщины в белом – это Смерть (что удивительным образом соответствует чеховскому замыслу). Более того, птица-Смерть имеет конкретное выражение – чайку! Осознанно или нет, но Чехов использовал эту символику в названиях пьес, которые посвящены не чему иному, как духовной смерти.

Анализ чеховских ремарок показывает – они тоже символичны. Цифры и звуки создают необходимый подтекст. Например, в пьесе «Три сестры» число 12 связано с идеей завершенности и цикличности: в первом действии часы бьют 12, напоминая о событиях годовой давности (ровно 12 месяцев назад умер отец Прозоровых), в четвертом действии – опять то же время (значит, ничего не изменилось, не сдвинулось с места). Интересно, что в буддизме 12 – «джарамарана», символ старости и смерти. В пьесе много повторов, всё выражает идею зацикленности, невозможности выхода из ситуации: кружится волчок («Удивительный звук…»), повторяется фраза про золотую цепь

(оковы, невозможность вырваться), вновь и вновь произносятся бессмысленные стишки, играется вальс (вечное вращение-возвращение).

Когда сестры мечтают о Москве, о новой счастливой жизни, Маша свистит (по народным поверьям, накликивает беду) – это выглядит, как авторский намек на пустые, несбыточные надежды сестер: в русских пословицах свист связан с неудачей, пустотой («Захотел триста, а взял свиста» и т.п.). Андрей, еще не попавший в капкан брака, играет на скрипке – он занимается творчеством, интересуется наукой, он влюблен. Скрипка – символ души, творчества (восходит к архетипу Музыки). В конце пьесы на скрипке и арфе играют бродячие (вольные!) музыканты (арфа – райский инструмент, рай ассоциируется со счастьем, он далек и недосягаем) – Андрею, поглощенному рутиной, уже не быть свободным никогда. Вальс сменяется маршем, военные монотонно уходят в далекое далеко, но слова персонажей продолжают играть свой трехтактный «вальс». Последние фразы пьесы: «Всё равно! Всё равно! Если б знать, если б знать!»…

Чеховиана неисчерпаема. А вехи типичны: любови-разлуки, безденежье, острая нехватка счастья, до обидного краткая жизнь – классический набор российского таланта. Время размывает образ писателя, обобщает черты, сглаживает нюансы. В наше время «Чехов» – это мем. Бывает, уже и сюжетов не помнишь, а впечатление о великом мастере, о Человеке остается.

Птица вещая

От эдемских вод в сердце солоно.
Русь свинцовая
Окольцована,
Песнь неволи поет неладную.
А в туманах – оттенки ладана…
Раны латаны-перелатаны,
Участь снова перелицована.
Стынут души, молчат, бескрылые.
Засыхают сады бесплодные.
Расступитесь, тени бесплотные –
Мы во тьму летим, беспилотные!
И поэт над зимой безбрежною
Уронил перо белоснежное
В полынью.
Птица вещая – птица вечная…

Эльвира Частикова

Обнинск

Сбить с толку

Он умер от отечественной хвори,
Но не по-русски, выдавив: – Ихь штербе...
И в Ялте тяжело качнулось море,
И захлебнулся месяц на ущербе.

Скатились звёзды крупные на воду
Невольными слезами мирозданья.
Германия душе его свободу
Дала, проверив зеркальцем дыханье.

Ихь штербе... Не пытался ль он случайно
Сбить с толку смерть, коснувшуюся тела?
Но всхлипнула во МХАТе горько чайка,
Разрезав звуком ночь на два предела.

Ихь штербе, – сквозняком тянуло в щели.
Ихь штербе, – повторяло время оно.
По всей земле кроваво вишни зрели
Из пьесы... раба божьего Антона.

Моветон

Чернышевский молчал,
как и Горький, и Чехов,
Ибо каменных слов, монументами став,
Не придумал никто. Я дала им орехов
И на фото снялась, поделив пьедестал.

Чернышевский молчал, но красив был во гневе.
Чехов был отрешён, Горький был кисловат.
И никто из них мне, в гипс не загнанной деве,
Живо помнящий классику их, не был рад.

Я касалась то рук, то усов, то штиблета,
Сюртуки поправляла, сгоняла ворон...
Но они, если честно, плевали на это!
Чернышевский молчал, всех втянув в моветон.

Я к их душам взывала в щемящей досаде.
Чернышевский молчал наподобье стены.
И тогда я поверила в то, что писатель
Всё же может молчать, завещав миру сны.

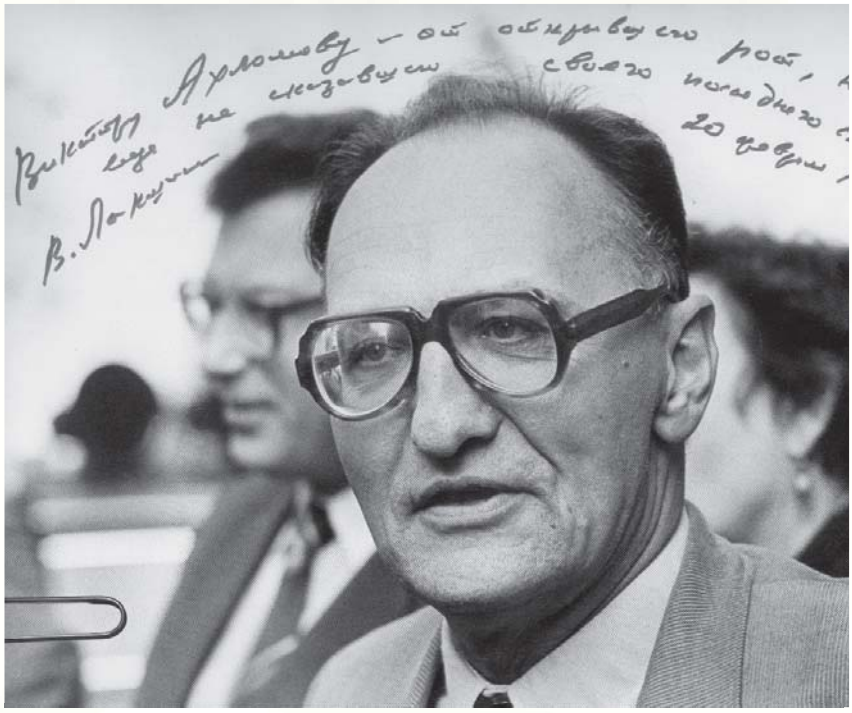
Виктор Ахломов

ДООС – линзазавр

Портрет Владимира Лакшина – литературоведа, исследователя А.П.Чехова – с дарственной надписью:

«Виктору Ахломову –
от открывшего рот,
но еще не сказавшего
своего последнего слова.

В Лакшин
20 февраля 1989 г.



Марина Тарасова

* * *

Словно трехцветные флаги,
окна в закатный час.
Белый, заплаканный ангел,
кто тебе выбил глаз?

Черная ранка сочится –
подлого выстрела след;
вот, когда пригодился
газовый пистолет.

Лик твой хрустальный слезится
желтой и жесткой тоской.
– Какая огромная птица! –
Пьяница машет рукой.

Господи! Сердцу так жутко,
где же твоя благодать?
Если как серую утку,
будут небесных стрелять.

Стань же серебряной дымкой,
божьего света каркас,
ангел, пребудь невидимкой,
не опускайся до нас.

Русский декаданс

Эта леди в брючном костюме
с папиросой черной у губ
промелькнет в Пассаже и в Цуме,
отражаясь в трюмо, как в трюме
под неслышную музыку труб.

В том подвале просторного века,
из которого трудно уйти,
где танцует скрипичная дека
нагишом, де – каданс во плоти.

Эта дама хранит в ридикюле
портсигар и серебряный шприц,
у подъезда ее караулит
на цепочку привязанный шпиц.

И когда подойдет к изголовью
в ореоле своей красоты,
не почувствуешь страха и боли
у последней кромешной черты.

Под холеной, холодной рукою
все утихнет, исчезнет, пройдет.
жизнь покажется дымной рекою,
уходящей под меркнущий лед.

Лоренс Блинов
ДООС – звукозавр
Казань

ПОэма

НОЧНОЙ ТОПОЛЬ

Памяти А.П. Чехова

«Кто мог знать, волнуется он
или нет… сложная глубокая душа»

И.Бунин «О Чехове»

1.

…то умолкал он, слегка покачиваясь,
А то, порой, пламя какое-то
с ног до головы
внезапно окутывало его
сумеречно – белесоватой рябью,
и весь он словно светился изнутри
невысказанными своими тайнами,
и степь,
степь неоглядная
всякий раз оживала
и шелестела едва слышно
в каждом его затаенном вздохе.

Тихо и осторожно,
стараясь не спугнуть ни один блик,
входил я в этот воздух,
в эти серовато-замшелые сети,
это трепетанье,
надеясь уловить, высмотреть, понять:
как же это он слагает
свою прозрачную прозу –
нет, лучше сказать –
свои, пронизанные серебристым мерцанием,
и струящиеся в глубину корней,
стихи.
Я недоумевал:
откуда в нем,
таком, с виду, стройном,
элегантном даже,
так много первобытных лишайников,
мха дремучего…
Откуда в нем эта паутина,
это серое висенье умаявшейся летучей мыши!

И ведь он, будто бы, понимает эти муки,
эту влажную вселенскую дрожь
затаившегося кокона,
а самое главное – тогда,
когда ветер! –
и как только ему удается
так преобразится:
стать обыденным
и похожим неожиданно
на всех,
на всё окружающее,
и в этой пьесе своей
он также буйствует,
также ораторствует
в сумеречно своем запале,
и он столь же по-актерски деятелен
и неприметен, как все.
Но – крылья!
Крылья у него, кажется, и тогда
будто вдвое больше, чем у всех прочих –
тех, кто подобно ему, всё же силится взлететь,
но, увлекаемый незримым ужасом
мгновенного небытия,
оказывается театрально изувеченной
трафаретно изувеченной чайкой,
неестественным и отвратительно красивым узором
распластанной на мокром песке
декоративного побережья.
Но когда он начинает быть
уж совсем ни на кого не похожим,
и пробуждается изнутри
лёгкое полыхание и лепет –
это тогда,
когда ветра-то как раз и нет!
И луны нет.
(Но что-то всё-таки серебрит
и как-то слегка зажигает его седину).
Тогда до меня долетает вдруг
этот тихий прохладный шепот,
и я начинаю понимать:
«нет, это не пустяк –
листвы безлунной трепетанье,
и это трепетное таянье
тончайших бликов и …»

Но вот я,
стараясь быть еще более неприметным,
чем его безлунная тень,
приблизился
к раскрытым страницам его повести,
и будто бы совсем случайно
взглянул туда,
куда он был устремлён
всей своей непреднамеренной листвой.

2.
Ах, вот оно что! –
совсем невдалеке
через дорогу
робкое деревце
чуть выступало
из недвижного пространства
ночного закулисья,
всё окутанное лимонным светом
весьма кстати оказавшегося рядом
фонаря.

С чуть приметной застенчивостью
(почти кустик,
только уж очень высокий)
стояла она,
стройная молодая липка,
вся прозрачная листвой
перед бархатной портьерой
безмолвного ночного театра,
стояла она,
единственная актриса
на той обнажённой сцене тротуара,
чуть покачиваясь,
совершенно, как и он иногда
(только ещё призрачнее и невесомее),
и вся излучала такую тишину,
такую щемящую свежесть,
недоступную банальным рукоплесканиям,
что и я ощутил,
почувствовал, что весь погружён
в эту тёмно-сиреневую маяту
тополиной страсти,
что руки мои покрываются уже
нежно-серебристой замшелостью,
слегка фосфоресцирующей в темноте,
что глаза, мои глаза –
уже не мои.

3.
Я,
прежде не допускавший и мысли,
что за столом поэта
может быть какое-то и иное
освещение,
кроме лунного,
всегда презиравший
обнаженную мишуру торшеров
и полуночных фонарей
(свеча – и та смотрела на меня
с насмешливым подозрением),
Я
обнаружил здесь
каким-то внутренним зеркалом,
что начинаю видеть то же, что и он,
мой неуёмный серебристолистый воздыхатель,
что и дышу-то я
уже не своей листвой –
что это – он, он,
что я, так же, как и он,
весь окутанный тем же трепетаньем,
устремляюсь куда-то,
бормоча и пошатываясь;
и совершенно так же, что и он,
не понимаю уже –
как можно чего-то иного желать,
что-то иное видеть,
кроме этого одинокого фонаря,
этого ослепительного и бесстрастного
светового потока,
и такой нежной под ним,
зеленовато-прозрачной,
чистой
после вечернего дождя
молодой липки;
и что разве столь уж необходимо,
чтобы что-то ещё,
какие-то особые слова,
чтобы какой-то иной ветер,
какой-то еще спектакль состоялся,
дабы выразить,
попытаться высветить то,
что невозможно,
чего не может быть,
потому что…
чего уже никогда…

Корни мои ощутили упругую свежесть
и полноту.
Легкое мерцающее покалывание
глубоко заструилось где-то внутри ствола
и охватило, поднявшись, все ветви,
всю мою листву – целиком.

4.
… А утром
он – вполне будничен, запылён,
сер и обветшал. И – боже! –
кажется, – в очках и с бородкой
(и с зонтиком – в виде трости);
и я едва узнаю его,
непроизвольно обернувшись.

Он вежливо и галантно
застывает в приветствии,
словно бы приподняв шляпу…

Но не говорит ни слова.

24/1 – 15. XXI.

Рисунок Галины Мальцевой специально для ПО.

Олег Фёдоров
Тюмень

Что-то в воздухе…

Что-то в воздухе.
В воздухе что-то…
Обломки самолётов,
Чьих-то надежд…

Фрагменты человеческих тел,
Фюзеляжей,
Ракет,
Проводов,
Телефонных переговоров…

Куски железа,
Пластмассы,
Завёрнутые в пакеты паспорта…

Голубиный пух,
Вопли отчаяния,
Грубая брань,
Тихий шёпот…

Что-то в воздухе…
Шелест листвы,
Запах ненависти,
Войны, смерти.
Женских духов,
Ладана,
Выхлопных газов,
черники…

Всхлипы,
Проклятия,
Любовный шорох…

Что-то в воздухе…

Падающие с неба дети,
Нераскрытые парашюты,
Дым от костра,
Звуки босса-новы,
Аргентинского танго.
Чьё-то недоумение,
Немота,
Лай собак,
Рёв мотоциклистов.

Что-то в воздухе…

Облака,
Слова,
Мысли,
Поступки,
Ложь,
Капли дождя,
Дым и пепел.

Что-то в воздухе…

Закаты,
Рассветы…
Вопросы,
Ответы –
Для тех, кто ещё не устал.

Что-то в воздухе…
Тишина.
Звук лопающейся струны*.
Колокольный звон…

P.S.
Что-то в воздухе…
Что-то есть такое чеховское
в нём…

18.07.2014

* «Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву.»
(А.П.Чехов «Вишнёвый сад»)

Николай Ерёмин
ДООС – никозавр
Красноярск

Рабы – не мы!

Из себя выдавливать раба –
Чехонте
и Чехова судьба…

Вот и мы –
посланцы высших сфер –
Иногда
берём с него пример:

Давим, давим,
грешные умы,
Причитая,
что рабы – не мы…

И, в себе
господ
переборов,
Из себя клонируем рабов:

Сто… пятьдесят… пять…
Среди забот
Чехов есть –
а результат не тот…

Дом Чехова в Мелихове.

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

Укороченный Чехов:

Земля – ручная работа Бога

А. П. Чехов писал коротко и оставил для нас бессмертное «Краткость – сестра таланта». Многие современные авторы, в том числе и ваш покорный слуга, буквально восприняли шутку гения. Так родился цикл «Укороченный Чехов». И еще… А.П Чехов сказал: «Не Шекспир главное, а примечание к нему». Вот и мои заметки можно воспринимать, как примечания к Чехову, который тут и не ночевал…Но разве только в памяти автора.

Кормящие птиц
(Наблюдение для газетной заметки)

В Братске многие старые женщины выходят во дворы с пакетами полными крупы и кормят из них городских птиц...
Это стало модным явлением нашего города.
Все больше кормящих пожилых дам заботящихся зимой о птицах встречаю на улицах Братска...
Птицы стали жирными, не пугливыми, уже слетаются на лёгкий шорох полиэтиленовых пакетов с крупами...
Мне иногда думается, что люди стали сытнее жить – делятся с птицами излишками...
Хотя по демографическим причинам, и это очевидно, многим состарившимся одиноким женщинам
в нашем сибирском городе молодых
в доме больше некого кормить...

Молодой человек

Чем старше становлюсь, тем чаще в магазинах
женщины обращаются ко мне:
«Молодой человек!»...
И не потому, что хорошо выгляжу – они хотят,
чтобы я
сделал у них покупку...
.....
А в молодости меня встречали словами:
«Привет, старый!»

Когда-то Россия была

Когда-то Россия была родиной друзей, а теперь они строятся в колонны:
...четвёртую, пятую, шестую...
Но только в будущем, где вечность стоит на часах, тот, кто выживет, скажут,
кто из нас был прав!

«Когда в губернском городе С. приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни, то местные жители, как бы оправдываясь, говорили, что, напротив, в С. очень хорошо, что в С. есть библиотека, театр, клуб, бывают балы…»

План города С.

Галина Мальцева
(смешанная техника), 2015 г.

Игорь Крестьянинов
ДООС – ижезавр
Ижевск

* * *

Снега нега альфа-омега мчится волчицей
озерой рица
недокричаться чацкого пальцы чалят
в несчастье
части дичалого непониманья сыплют
отчаяньем нечаянным
чую и чествую видное ладное
прорубь души моей
непролазную

Далее

Никого ни чем не удивишь
Ныне.
Вот уже провинцией Париж
Стынет.
Нет истории. А просто есть дела
Злата.
Душ разъединяются тела
Брата.
Ничего не видится впотьмах
Кроме
Снега недосказанного взмах
В коме.

* * *

Квадратной становилась голова
При мысли о границах мирозданья.
О, скорбных нервов киловатт!
О, расставаний расстоянья!
Я в детстве плакал – вот – умру.
Никто не пожалеет лаской.
Проснутся люди поутру
И без меня случится сказка.
Сейчас я знаю, все – во мне
– пространства зов и бесконечность.
Змея в змее. Звено в звене.
И вера завтра будет НЕЧТО!

Эдуард Трескин
Казань – Прага

Вторая встреча

Фрагменты

23 сентября 2013 года исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося артиста – оперного певца, режиссёра, педагога, просветителя – народного артиста России и Татарстана, лауреата Государственной премии РТ им. Г.Тукая, профессора Нияза Курамшевича Даутова. Нередко где-нибудь на гастролях в свободное время он рассказывал нам, ученикам и коллегам по театру, что-то из своей жизни. Однажды он рассказал поэтическую историю, случившуюся с ним когда-то в Крыму. Я сказал, что если Маэстро не хочет записать рассказанную историю сам, то это сделаю я. « А я на вас и надеюсь», – улыбнулся Маэстро. Через некоторое время я дал прочитать Ниязу Курамшевичу рукопись рассказа, который назвал «Вторая встреча».

…Сибирские гастроли закончились, и почти сутки оставалось до дома. В купе и коридоре стояли, сидели, курили, болтали, пили чай, играли в шахматы или карты Хозе и Виолетты, Ленские и Германы, Тореадоры и Кармен, Мефистофели и Гретхен.

– А знаете, всегда немного грустно посещать те места, где бывал прежде, – сказал Маэстро. – И улицы вроде не такие зеленые и манящие, и дома какие-то другие, и людей прежних нет, а если кого и встретил из знакомых – то впору снова знакомиться. Всё – точно в немом черно-белом кино.

– А вот у меня не так, – сказала Мадонна. – Мне нравится узнавать. Я хожу и всё узнаю: здесь сейчас будет магазин, а направо пойдешь – рынок. И так интересно!

– Не перебивай Маэстро, – бросила с недовольством Прима. У тебя вечно то магазины, то рынок.

Маэстро чуть виновато глянул на ту и на другую, как бы пытаясь примирить непримиримое.

– Но странно, – продолжал он, – иногда и грусти не бывает. Меня – первого тенора оперы – знали все и всюду. Не буду говорить об овациях, цветах и дежурствах поклонниц у служебного подъезда театра. Достаточно сказать, что стоило мне пойти в магазин купить себе пару туфель, как через полчаса в квартиру звонили и заботливо спрашивали, не жмут ли, по размеру ли. Смешно, правда? И что, вы думаете, я испытывал, когда бродил по перрону, на котором меня столько раз встречали едва ли не с духовым оркестром? Ничего. Совершенно ничего. Наверное, это оттого, что и здесь – как везде – я не был счастлив.

– Вы не были счастливы? Вы, Маэстро? ! – изумленно выгнула бровь Прима.

– Ну да, что же в этом особенного? Как сказал поэт – «на свете счастья нет»... Хотя был в моей жизни случай, когда вторая встреча с городом принесла больше, чем первая. Но это – давняя история.

– Расскажите, расскажите, пожалуйста! – умоляющим и бесхитростным голосом полупропела Мадонна, не забыв искусно подключить грудной резонатор.

– В таком случае придется вернуться в довоенную пору. В 1940 году мне, студенту Московской консерватории, страшно повезло: я заболел воспалением легких, и профком выделил мне бесплатную путевку в Крым. …Ялта в мглистой дымке долины, с ее зеленью, старыми особняками вдоль набережной и узкими крутыми улочками, где невесомые дачки лепились друг к другу, с ее портом, откуда вели, пусть условно, дороги во все порты мира, и само теплое южное лето – всё это было только прелюдией, только предлогом к тому, что меня ждет. Так, вероятно, со всеми в молодости – ждешь, сам не знаешь чего. Меня не покидала уверенность: чтобы быть счастливым, ничего искать не надо, надо быть самим собою, и всё придет само.

…Мы пошли в Чеховский дом пешком. Узкая длинная улица волнисто вела вверх, мимо одноэтажных каменных домов, изгородей и виноградников. Я думал о том, как по этой самой улице совсем недавно – каких-нибудь сорок лет назад! – шел Чехов, скажем, с Буниным.

День, начавшийся с дождя, принес невезение – сегодня Дом был закрыт для посетителей. Я ругал себя за то, что столько времени оттягивал приход сюда, и немало изумил всю честную компанию, когда подошел к крыльцу, наклонился и поцеловал теплый шершавый камень.

«Ты сошел с ума! Нельзя в наше время быть таким сентиментальным, особенно комсомольцу! А потом нечего переживать, можно прийти и завтра». Увы, мой завтрашний поезд отправлялся из Симферополя утром. Я уехал, твердо уверенный: на будущий год непременно вернусь. Ну, а что случилось на будущий год, вы знаете. Война всем распорядилась по-своему: и радужными надеждами, и трезвым расчетом, и мечтами, и явью, а то, что тебе мнилось значительным, приняло черты ребяческих выдумок.

Тринадцать лет – срок немалый, особенно для певца. Но нет для человека ничего дороже его юношеских порывов и страстей. Всю жизнь нам верится, что если мы и расстаемся с ними, то не всерьез, ненадолго, и где-то впереди обязательно горит зеленый светофор, открывая путь к встрече.

Было лето тысяча девятьсот пятьдесят третьего, и все светофоры казались зелеными. После закрытия сезона у себя в городе наша труппа выехала на гастроли в Крым. В первых числах сентября открывались в Ялте «Дубровским». Открытие гастролей прошло

Ялта, цветник на набережной. 1953 г.

успешно, причем как-то привычно успешно – были и цветы, и аплодисменты, и вызывали нас и дирижера, но... для меня в этом открытии, я бы сказал, не было никакого открытия, а просто – привычная работа…

– А музей, Маэстро? Вы сразу пошли в музей?

– Какой музей? – изумился Маэстро.

– Ну как же – в домик Чехова!

– Ах, в домик... Ну, прежде всего, это не домик, а прекрасный большой дом. Дом Чехова, это, знаете ли, – его Дом. В Дом Чехова я попал на третий день по приезде вместе с нашими артистами. Меня уговорили идти вместе со всеми, обещая «спецэкскурсию без лимита времени».

Тогда с нами на экскурсию поехал бас по фамилии Балякин. Когда мы вошли в сад и направились по гравиевой дорожке к дому, светло брезжившему за стеной кедров, тополей, магнолий, он по-хозяйски осмотрелся и сказал, что усадьба будь здоров и соток на тридцать пять тянет. Тоненькая девушка-экскурсовод Алла нерешительно посмотрела на него и ответила, что он почти угадал, площадь сада три тысячи семьсот квадратных метров. Балякин подмигнул ей – до того как стать певцом он-де был землемером и знает в этом толк.

Сюрприз нас ожидал, когда мы вошли в Дом – в гостиной встречала Мария Павловна Чехова. Она сама повела нас по комнатам Дома, рассказывала о брате, иногда ласково дотрагивалась до какой-то вещи – до того самого «многоуважаемого шкапа» из «Вишневого сада», или до письменного стола, или до книги, лежащей на столе, или до какой-нибудь фотографии на стене так, будто и шкаф, и стол, и книга, и фотография в простой темной рамке были живыми существами. Такое чувство было у меня в детстве.

В кабинете отца стоял массивный орехового дерева книжный шкаф. На книжных полках за стеклами бронзовели корешки энциклопедий, располагались солидные справочники и словари, на верхних – выстроились ряды классиков. Однажды я захотел узнать, что за собрание стоит на самом верху. Подставил стул, залез на него и, склонив набок голову, прочитал: АПЧЕХОВЪ. Слово я не понял и спросил у матери. Она засмеялась и сказала, что я неправиль-

но прочитал, это – Антон Павлович Чехов, и когда я подрасту, его книги обязательно станут моими любимыми. Так и вышло.

В общем, пока мы ходили по комнатам, я был словно загипнотизированный, хотя и воспринимал всё с необыкновенной резкостью и остротой. Кончился мой гипноз внезапно. Наша сопрано Юрьева поразилась, увидев кожаное пальто писателя – она никак не предполагала, что Чехов такого высокого роста.

– Да, он был высоким, – с материнской застенчивой гордостью подтвердила Мария Павловна.

И тут Балякин заявил, что у него тоже было кожаное пальто, но его спёрли в сорок шестом в Тамбове, и оно очень похоже на это. Наша экскурсия подходила к концу, и его бестактность удалось замаскировать прощальными фразами и приглашением приходить на наши спектакли. Сам-то Балякин усиленно-любезно приглашал на «Дон Паскуале» Доницетти, где он, по его мнению, совершенно блистал.

Мы поблагодарили Марию Павловну, попрощались и пошли обедать в ресторан на набережной. Мы сидели на открытой веранде, ели, пили боржоми, болтали и подтрунивали над Балякиным и его злополучным пальто.

Как известно, на юге время бежит быстрее, чем у нас. А для меня его бег еще и усугублялся тем обстоятельством, что за две недели гастролей я пел в десяти спектаклях – едва ли не каждый день. Утра, дни, ночи были для меня чем-то вроде долгих антрактов в одном непрекращающемся спектакле, где я одновременно был и Ромео, и Дубровским, и Ленским, и Герцогом.

«Травиату» мы давали незадолго до конца гастролей. Надо сказать, к этому спектаклю у меня было особое отношение: здесь я был и певцом, и – впервые – режиссером-постановщиком. Естественно, волновался за всех и за всё, что на сцене происходит. В тот день я пришел в театр раньше обычного. Некоторое время я наблюдал за монтажом, потом пошел гримироваться. Звучала увертюра, когда взволнованный администратор сообщил: сегодня в зале сидят Мария Павловна и Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Именно на «Травиату» они пришли! Можете себе вообразить, с каким чувством я вышел на сцену? Первые фразы мною были спеты автоматически. И лишь к концу Застольной песни я пришел в себя, но всё не решался взглянуть в зал – в этот небольшой зал, ставший вдруг таким бездонным. «Господи, – думал я, – ведь они могли слышать в этой партии молодого Собинова и Ансельми!»

Гости ушли танцевать, мы остались с Виолеттой вдвоем. «Ах, любовь, что весь мир наполняет!» – запел я, поднял голову и вдруг увидел совсем рядом Марию Павловну и Ольгу Леонардовну. Они сидели в ложе, почти выходящей на сцену. Напряжение ожидания прошло моментально, как будто душа сбросила какое-то бремя, и не стало никаких сомнений в

Дом-музей А.П.Чехова в Ялте.

том, что сегодня я буду петь как никогда.

И в самом деле – немного я припомню случаев, когда голос мой звучал так легко, ярко, свободно, как в тот вечер. Казалось, он сам по себе, помимо моей воли и льется, и летит по волнам вечной и пленительной мелодии, которая длится, томит и переходит в мучительно дразнящую мелодию ответа. «До за-а-втра, до за-а-втра!» – пели мы с Виолеттой, а дуэт уже кончился, выбежала толпа возбужденных гостей, и только холодок «а-а!» в горле всё кружил голову.

После первого действия мы вышли на поклон. В переполненном зале было душно, как перед грозой. Нам хлопали, кто-то «браво» крикнул с галерки. Дарили цветы и меж ними – корзину роз цвета запекшейся крови. Кланяясь, я незаметно глянул в сторону боковой ложи. Мария Павловна и Ольга Леонардовна улыбались и хлопали вместе со всеми. Неожиданно для самого себя я вышел наискосок к рампе и, оказавшись рядом с их ложей, поднял руку, прося тишины. Зал удивленно затих.

«Дорогие друзья! – сказал я. – Сегодня здесь присутствуют две великие женщины – сестра и жена Антона Павловича Чехова. Вся наша труппа их приветствует и просит вас присоединиться к нам».

С этими словами я подошел к ложе вплотную и устроил такой, знаете ли, дождь из темно-красных роз. И тут зал встал. Боже мой! Никогда я не слышал таких оваций. Это было нечто большее, чем аплодисменты искусству, это были аплодисменты Судьбе.

После третьего акта, когда отзвучал заключительный аккорд и двинулся душный занавес, мы вышли на поклон. Экскурсовод Алла поднесла охапку лиловых и белых гладиолусов. Я стоял у рампы, держал их в руках, ощущая, какие они свежие, тугие, прохладные, с длинными тяжелыми стеблями. Это были цветы из сада Чехова.

По правилам хорошего тона ответный визит нужно нанести на следующий день. Но я несколько дней выждал – из вежливости, заслужив тем самым упрек очаровательной Аллы, когда она встретила меня у входа в Дом.

– Что же вы так долго не шли? – шепотом сказа-

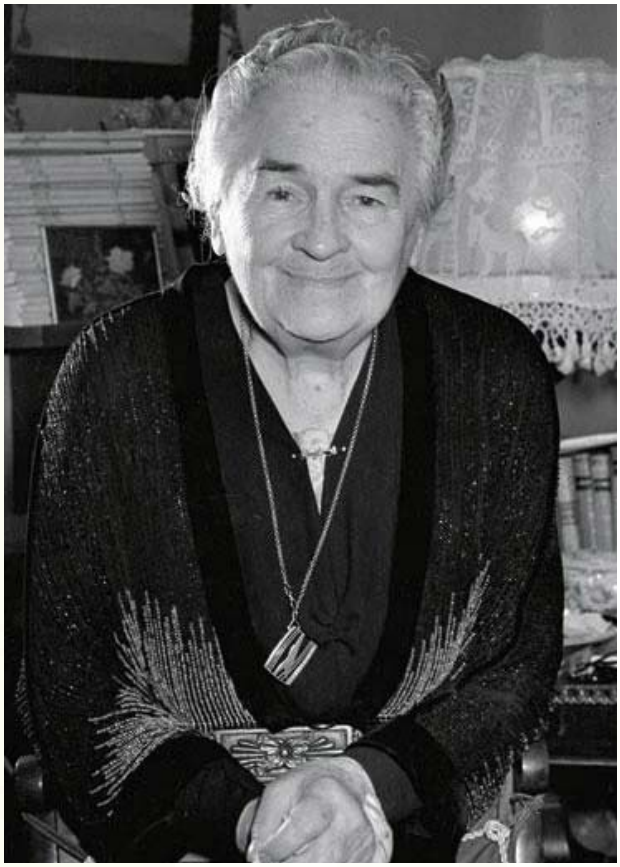
ла Алла. – Они не знают, что уж и думать – может, заболел или уехал! – Мы прошли через сумрачную гостиную и поднялись на второй этаж по деревянной лестнице.

Мария Павловна Чехова

Я провел замечательный вечер в обществе четырех дам, чей общий возраст составлял по крайней мере триста пятьдесят лет (у Марии Павловны и Ольги Леонардовны гостили две их подруги). Ольга Леонардовна была обворожительна, вспоминала «Даму с камелиями», говорила о Дузе, Саре Бернар, талантливо изображала и ту, и другую.

Меня угощали фруктами, вином. Надо сказать, я был слегка обескуражен, когда, войдя в столовую, увидел на синей скатерти с белыми вышитыми цветами целую армаду разнообразных бутылок. Мое недоумение разрешила Мария Павловна. Оказывается, к ее девяностолетию Массандровский завод презентовал ей – «вы только представьте себе!» – девяносто бутылок своих лучших вин.

Было весело, я, кажется, что-то пел, рассказывал о съемках в кино. В общем, чувствовал я себя необыкновенно легко и приятно.


Ольга Леонардовна Книппер-Чехова

Удивительно, но за весь вечер не было сказано ни единого слова о Чехове. Чем это объяснить? Не знаю.

Возможно, за полвека отсутствия хозяина в Доме память о нем стала настолько сокровенной и бережной, что любое слово, произнесенное всуе, было мелким, никчемным. А может, для этой компании я был слишком молод, чтобы со мной разговаривать на такую тему?

Когда настала пора уходить, уже стояла ночь. Дом, словно корабль, плывущий по саду среди этих немыслимых гледичий, магнолий, фотиний, кедров, вавилонских ив и индийской сирени, и милых хозяек Дома, которые, прожив больше полувека нынешнего, снисходительно-мудро смотрели на него из века минувшего, и чеховский кабинет с цветным витражом венецианского окна, удобной нишей за письменным столом, моделью парусника на каминной полке и старинным настенным телефоном, по которому можно – стоит снять трубку и назвать барышне давно забытый номер – услышать на робкое «алло» львиное «Шаляпин слушает».

– Вот, в сущности, и всё, – развел руками Маэстро. – Однако, друзья, очень поздно, что-то я разошелся и, боюсь, нагнал на вас тоску своими дорожными мемуарами. Но, постойте, с чего же начался мой рассказ?

– Вы заговорили о счастье, Маэстро, – сказала Мадонна.

– О счастье? Неужели? Не может быть! Но ведь известно – «на свете счастья нет»... – озорно улыбнулся Маэстро.

– Вот тебе на! Я всё жду-жду, а вы говорите «нет»!

– Это не я, это Пушкин.

– А-а!.. – благоговейно протянула Мадонна. – Ну, тогда, конечно!

Было уже так поздно, что за вагонным окном, на севере начало по-летнему предрассветно зеленеть небо. Все спали. Вагон, раскачиваясь, несся в темноту...

Ольга Филиппова

Каменск-Шахтинский

Барьер

Мнётся тёплый песок, словно шёлк,
под ногами… любой бы ослеП
От сиянья и блеска… но след
смыли волны, поскольку я шёЛ
Рядом с кромкой прибоя… стара ж
будет притча твоя про менЯ,
Если чайка за гранями дня
с криком выполнит тот же вираЖ

По воде грозовое крыло
широко черканёт остриёМ…
Лаконично кивая, соврём
непременно… обратно влеклО
Якорь бросить… салагам видней…
не осилили только барьеР
Жёлтых рифов… маяк догорел…
и покоится шхуна на днЕ…

Александр Карпенко

Шахматы

Воздухом целительным дыша,
Я спустился к морю. Плыли дали.
На песке лежали два пажа –
И беспечно в шахматы играли.
Я спросил у странных игроков,
Что такое вечность – и услышал:
«Вечность – это море облаков.
Вечность – раздвижная наша крыша».
Оттого ли, в зеркало глядясь,
Об отсрочке мы так страстно молим?
И летают, молний не боясь,
Чайки – между вечностью и морем.
Но порой смыкает облака
Мудрость жизни, вещая, слепая,
И ребёнок, строя на века,
Лишь сухой песок пересыпает.

Александр Петрушкин

Кыштым

* * *

Не раньше, чем начнётся смерть,
жующая свой хлеб беззубый,
не раньше, чем меня и впредь
не встретит мент, и не разбудит,
не вложит камень мне в глаза,
а в губы – гул пчелиный долгий,
я буду слышать голоса
тех, отъезжающих на лодке,
тех, уезжающих вперед,
сбросавших вещи в саквояжи
поспешно в свалку, как щенков,
так словно не успеть им страшно
на этот длинный пароход
и не имеющий причала,
где б чайка, проверяя рот
б/у-шный, отвердев кричала
невнятно требуя избы,
сирени, от мороза ломкой,
и замороженных глубин,
или хотя бы потной шконки,
всплывут горящие гробы,
и станет мне тепло на лодке
перегибающей в обрыв,
где от встречающих так громко.

Ольга Реймова

Белый парус

На море парус ветром натянулся,
Летит вперёд!
И не страшны ему преграды.
А колесо истории вертИтся
И возвращает время... подожди...
Смотри – вон чайка в небе
Тебя зовёт. Ты полетишь за ней?
Лети!
Она сей жизни знает цену.
А белый парус ведёт тебя
Туда, где есть лишь ветра шум,
Синеют небеса,
Вода журчит под лопастями лодки.
Смотри вперёд
И только там увидишь свет.

Александр Добровольский

Смоленск

* * *

чайка пикирует на волну
аки бабочка на цветок
расходится как стебель рябь потом
и чайка виснет вешалкой в открытом шкафу…
и снова крики чаек словно скрип качелей
для разгоняющего их мальчишки

Ия Кива

Донецк

Питер. Дождь

Дождь. Крылатые машины.
Небо ванну принимает
И расплескивает брызги
По скелетам площадей.

Солнце смотрит фильм про звезды.
Фонари бульвар качают.
Вены рек бьют по каналам.
Шепот капель. Тополей

Мокрые глядятся лица
В мутность луж и рябь пространства.
На углу у поднебесной
Чайкам крылья раздают.

Ангелы вьют хороводы
В шпилях дождевой столицы
И играют с ветром в прятки,
Херувимскую поют.

Красота не исчезает,
В купольном рыжье соборов
И в созвездьях томных арок
Сонный город сторожит.

Облака, скрывая жалость,
Отражают в окнах вечность
И целуют крыши в морды,
Пока время сладко спит.

Александр Чернов

ДООС – днепрозавр

Севастополь

Чехов в Звенигороде

Русская Швейцария,
земский лазарет.
с граммофона ария
льется на буфет.
Опереттку модную
слушают врачи –
музыка народная,
а слова ничьи.
«Возлюбите ближнего:
даму, например...»
Утром передвижники
вышли на пленэр.
Кожа сыромятная,
всмятку сапоги,
две лепешки мятные
у одной руки,
и река под вязами,
и обрыв крутой –
все с грядущим связано,
с мором и войной...

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус (бумага, смешанная техника)

Пётр Кобликов
друг ДООСа

У Чехова нет ни плохих, ни хороших

Однажды в разговоре по телефону с авторитетной исследовательницей творчества русских классиков – прозаиков и драматургов (это она обнаружила в одной из реплик Треплева буквальную цитату из письма Бунина Чехову), я припомнил о том, что в своё время творчество писателей оценивалось в зависимости от того, какое место отводилось тому или иному из них в парных категориях «прогрессивный – реакционный» и «пролетарский – буржуазный». Впрочем, иногда был намёк и на одну «гибридную»: «прогрессивный буржуазный». «Реакционных пролетарских», уж точно, не было, не могло быть по определению, а самым главным, самым правильным методом художественной литературы считался реализм, лучше всего – социалистический («показ действительности в революционном развитии»).

Друг незабвенного Валерия Золотухина, ещё со времён их студенческой юности, художник Джавид рассказывал мне, как, постигая искусство сценографии в ГИТИСе, три раза «сдавал Чехова» — и никак не мог сдать экзамен. Почему? Потому что пытался объяснить смыслы драматургии Чехова так, как объясняют смыслы пьес Горького, как трактуют характеры выведенных «великим пролетарским писателем» персонажей: «положительный — отрицательный».

А у Чехова нет ни положительных, ни отрицательных; нет ни «плохих», ни «хороших»; нет ни «героев», ни «антигероев». Есть персонажи, соединяющие в себе иногда, казалось бы, несовместимые качества. Вот и не попал Чехов ни в одну из «парных» категорий, пусть даже и был признан великим…

Помню, как в школе на уроке литературы учительница рассказывала о том, как будущему великому писателю-реалисту Чехову в детстве было трудно, как жестоко обходился с ним его отец. А лет двадцать спустя, бывая в музее Чехова на Садовой-Кудринской, я вдруг узнал, что Павел Егорович был не таким-то уж чудовищем, не так уж «угнетал» своих детей, а, напротив, любил их и мечтал о том, чтобы они «выбились в люди». И ведь все дети выбились в люди. И даже один из внуков…

А вдруг это – «ни плохих, ни хороших» – уже из Таганрога?..

А вдруг «ни плохих, ни хороших», «ни правильных, ни неправильных» – это и из Звенигорода?.. А вдруг правда, что именно там ему встретилась некая особа, напомнившая про «попрыгунью-стрекозу»? А вдруг правда, что каких-то трёх сестёр Чехов встретил именно тогда, когда, похоже, впервые испытал себя в качестве врача в тамошней больнице? И что это могло произойти на каком-то балу? Возможно, даже во Введенском, которое на другом берегу Москвы-реки? В том самом Введенском, которое было потом, как пишут, «разрезано»… железной дорогой? Чем не «Вишнёвый сад»?.. Не знаю…

И не знаю, как правильно: «Вишнёвый…» или «ВИшневый…» Помню, как давно, больше полувека уже прошло, один искушённый знаток литературных тонкостей меня, школьника, поучал: «ВИшневый, вИшневый – так сам Чехов говорил. Не вишнёвый – нельзя принижать стиль Чехова!»

Владимир Высоцкий – Лопахин, Валерий Золотухин – Петя Трофимов.

А для меня – всё равно вишнёвый.

Помню «Вишнёвый сад» Эфроса на сцене Любимова. Это были семидесятые. Это был Владимир Высоцкий – Лопахин. Это был Валерий Золотухин – Петя Трофимов. Помню, как потешалась Демидова – Раневская, когда Золотухин – Петя падал: «Петя, Петя, какой же вы неуклюжий!» (А я – вздрагивал: ведь я – тоже Петя…) Неуклюжесть телесная. Неуклюжесть душевная. Но – какими эти неуклюжие бывают славными, добрыми. Вот и здесь – ни плохой, ни хороший Петя, но такой удивительный…

И был в том «Вишнёвом саде» великий, гениальный Готлиб Ронинсон – Фирс. Там, в финале, когда Фирс – Ронинсон появлялся из левой (если смотреть из зала) кулисы и звучало его: «Уехали… Забыли…» – какая тишина в зале наступала…

Помню, как я спорил с Валерием Золотухиным,

убеждавшим меня, что когда Фирс после этих слов ложится, то умирает: «Петя, так у Чехова!» А у меня такого ощущения не было: «Нет, нет, он просто прилёг, отдохнуть…» Мы потом вместе перечитывали авторские ремарки в конце пьесы, но и они меня не убедили: «Нет, нет, отдохнуть…»

«Мы отдохнём…» Это – «Дядя Ваня» А там – кто хорошие, кто плохие? Кто – герой? Кто – злодей? Никто. Ни тот, ни другая, ни третий.

Помню фильм «Дядя Ваня» Кончаловского. Смотрел, будучи рядовым солдатом. Зрителей в клубе было двое: я и солдат из соседнего стройбата. С высшим образованием, как и я. Я – после полиграфического в Москве, он – после университета в Ташкенте, математик. Я встречал его потом с двумя полными вёдрами цементного раствора… «Мы отдохнём»…

В этом «Дяде Ване» была последняя роль Ирины Анисимовой-Вульф. Это она открыла в Золотухине студенте будущего Золотухина… Это она увела его, ещё студента с музыкально-комедийной сцены на драматическое поприще… Если бы не она, не быть бы Золотухину на сцене Любимова, не быть бы Золотухину таким Петей в «Вишнёвом саде» Эфроса.

А, может быть, без такого Пети не было бы такого «Вишнёвого сада»? Как не было бы его без такого Лопахина, такой Раневской, такого Фирса? Без этих персонажей, одетых в белое, существовавших среди белых деревьев – вишен в цвету, – на фоне белого задника, поделённого на части – колышущиеся, иногда врывающиеся на сцену кисейные полотнища – вот-вот этим белым ветром сдует всех персонажей в

Небытие.

И – сдувает.

И – «уехали, забыли».

Уехали и забыли…

А я последний раз уехал из любимых Чеховым звенигородских краёв в начале девяностых, когда услышал там стук топоров в дремучем лесу, просуществовавшем почти век – с тех времён, когда в Звенигород приезжали Чехов и Левитан. Рубили не вишнёвый сад, нет: рубили огромные ели. Спрашивал: «Зачем»? Отвечали: «Расчистка». Порубленное бросали, жгли – всё вывезти не смогли.

«Мы отдохнём»?

И липу рядом со звенигородской больницей недавно бурей сломало. Ту липу, под которой, как говорят, любил Чехов отдохнуть. Ему вообще были дороги эти края. Он приходил к Саввино-Сторожевскому монастырю и любовался видом на окрестности, на Саввинскую Слободу, стоя рядом с одной из монастырских башен на высоком пригорке. Рассказывают, что Чехов мечтал венчаться именно здесь, в одной из монастырских церквей, а после, уже вдвоём, выйти из церкви на этот пригорок.

Чуть меньше чем девяносто лет спустя этот вид на монастырские окрестности запечатлел Тарковский в «Солярисе».

Теперь, говорят, этих мест не узнать: застроили аж до заповедного озера Глубокого, к которому по топям было и не подойти…

По топям многих, очень многих прошедших лет подойдём ли мы к Чехову? Такому, каким на самом деле он был? Те мы, – ни плохие, ни хорошие, – кто способны и на самое низменное, и на самое возвышенное?

P.S. Однажды случайно встреченный попутчик, человек почтенного возраста – за девяносто – спросил меня, откуда я, и рассказал, как сносил, срывал бульдозером дома и вишнёвые сады в Бирюлёве – там, где я живу сейчас. Рассказал, как не хотели уходить с привычного места старожилы, как тамошняя кошка тёрлась о его ноги, как будто просила пожалеть её дом…

Вслед за сельскими домами и вишнёвыми садами в Бирюлёве срыли и часть кладбища. На этом месте – мой городской дом. На моей памяти переносили куда-то содержимое остававшихся погребений. В сравнении с этим что значат звучавшие когда-то упрёки Эфросу в том, что персонажи ЕГО «Вишнёвого сала» плясали на могилах?..

«Вишнёвый сад», «плохие-хорошие», «неплохие-нехорошие» – это у нас навсегда, это российское, наше.

P.P.S. А всё-таки несколько старых, очень старых вишнёвых деревьев на улице, где я живу, осталось до сей поры. Весной ветер сдувает с них белые лепестки…

Владимир Высоцкий – Лопахин, Алла Демидова – Раневская.

Варвара Черковская

Солигорск

Из цикла «Культурология вдвоём»

* * *

в селе Орехово
лес пруд и зяблики
еще в Орехово
цветы и яблоки
в селе Орехово
живем мы вехово
в шкафу Орехова
лишь книга Чехова
и пыль завесою
и тишь словесою
перекрывается
и всё сбывается

читаем Чехова
светло и смехово
я ты в Орехово
ни дня без Чехова

дом с мезонином
жизнь прошла,
словно и не жил
дама с собачкой
Тётка? Каштанка!
в старом футляре
крыжовник
в овраге
глядите-ка чайка
на шее не Анна
стрекоза
попрыгунья
надо быть выше любви
вишневый сад
сказки Мельпомены
в селе тишь
мужики лишь
Ионыч
да дядя Ваня
подъезжая к сией
станции,
у меня слетела шляпа
(зачеркнуто)
о любви
снова перечитываем
о любви
в Москву! в Москву!

уехав из Орехова
с собой
забрали Чехова

влюбились грехово
в селе Орехово
в АП влюбились
в живого Чехова

«В Вас, Лика, сидит большой крокодил, и в сущности я хорошо делаю, что слушаюсь здравого смысла, а не сердца, которое Вы укусили. Дальше, дальше от меня! Или нет, Лика, куда ни шло: позвольте моей голове закружиться от Ваших духов и помогите мне крепче затянуть аркан, который Вы уже забросили мне на шею».

«А как бы я хотела (если б могла) затянуть аркан! покрепче! Да не по Сеньке шапка! В первый раз в жизни мне так не везет!»

Из переписки Чехова
с Ликой Мизиновой

Григорий Горнов

Женские образы современной культуры

Мне не нужна женщина, умеющая говорить «люблю»,
Гладить волосы на груди, показывая накрашенные ногти.
(Такие всегда прерываются на самой тончайшей ноте,
И при лучшем друге, зашедшем на чай, говорят «котику налуплю»)

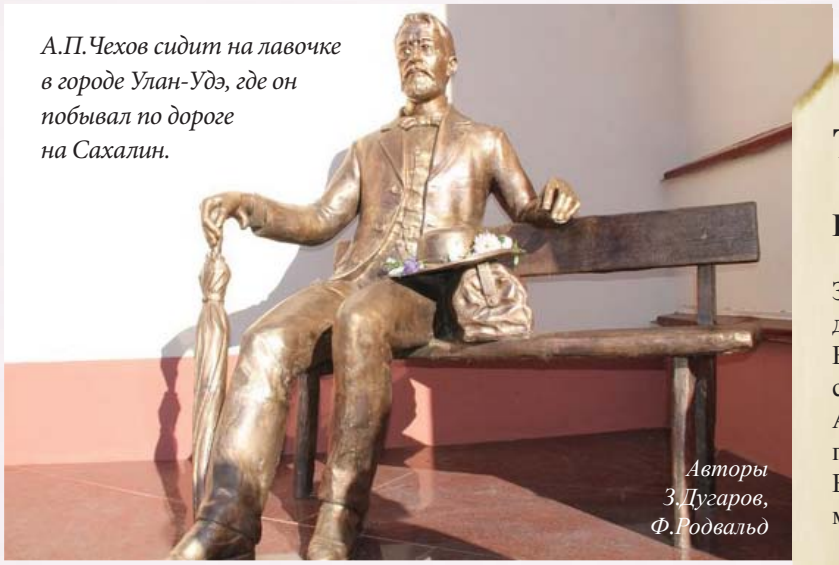
Мне не нужна француженка с пером а-ля Шанель,
Пьющая эспрессо в летней арбатской кафешке,
Мне не нужна ведущая литературной передачи по нтвешке,
В собеседника из-под ресницы направляющая шрапнель.

Мне не нужна простушка, понимающая любовь
Как писание друг другу многозначительных эсэмэсок,
Походы с колонками, мангалом и общими друзьями на перелесок,
Любящая вино (венозную будоражащее кровь)

Мне не нужна сумасшедшая с арфой наперевес,
Чей муж, по её словам, умер в позапрошлом веке
И поэтому все остальные для неё лишь закрывающие веки,
Лишающие света, любви, случайности и вообще чудес.

Мне не нужна светская дама, интерпретирующая секс
Как раздирание одежд друг на друге, прижавшись крылом к забору.
(Вообще секс без любви ведёт к импотенции и к запору).
И поэтому мне не нужна женщина, зашедшая на пару сек.

Мне не нужна женщина, живущая в лесу подруг.
Которая каждый шаг согласует с елью или осиной
Чтобы руку, запуская в мои штаны не наткнуться на овал осиный,
И под кол осиновый не попасть, обнажая грудь.



А.П.Чехов сидит на лавочке в городе Улан-Удэ, где он побывал по дороге на Сахалин.

Авторы З.Дугаров, Ф.Родвальд

Татьяна Виноградова

Бывший Хитров рынок

Здесь гулял загадочный
дядюшка Гиляй.
Было криминально здесь
сотню лет назад.
А теперь все замерло,
патиной покрылось.
Бывшие ночлежки –
мой Вишневый Сад.

В пику Буревестнику –
всплытие со дна.
Ныне нам Хитровка
для души дана.
Дворики заросшие,
новых русских нет.
Выщерблены стены
и в подвалах – свет.

Как любить мне боязно
эти уголки!
Старая, болезная
здесь живет Москва.
Только бы не тронули,
не отреставрировали,
только бы хватило
годика на два!

...Тополя с сережками
ветки уронили.
Вытоптана серая,
чахлая земля.
Запах штукатурки,
сырости и гнили.
– Господи помилуй,
Родина моя!

1998

Женские образы современной культуры

Мне не нужна женщина, прожившая всю свою жизнь в лесу
В каком-нибудь заставленном соснами гарнизоне.
Такие обычно убивают при каждом неточном слове,
(Т.к. только «Печоры» и «Двины» имеют место в её
заросшем плющом мозгу)

Мне не нужна женщина, чью сахарную звезду
Разгрызая всю жизнь не разгрызть до смерти,
Когда бы её лучами опоясываться в круговерти,
И в монашеском облачении показываться на свету.

(Мне не нужна монашка, знающая распорядок дня).
По вечерам с которой всегда влажная лингвистическая атмосфера,
В аптечке которой всё от морфина до ибупрофена,
Её созидаемую душу спасающее от меня.

Мне не нужна поэтесса, знающая расклад богов,
В голове которой роза, висящая над геенной.
Связь с которой является сугубо генной,
(И языки пламени, иссыхая, слетают с её боков).

Я не хочу с женщиной ходить без конца кругами
От алтаря до пыльного матраса на увешанном картинами чердаке.
Мне не нужна женщина с синицей в руке
(Т.е. вообще никакая женщина с занятыми руками)

Я держу тебя за руки (ведь женщина для молитвы).
Мне нужна женщина чтобы морскую измерить рябь.
И выбрасываются на берег, разбиваясь вхлябь,
Подпоясанные Бореем пасынки Амфитриды.

Галина Свинцова
Казань

Суффикс русской души

В последний период своего творчества в 1899 г., уже живя в Ялте, Чехов создает рассказ «Душечка», причисленный Л.Толстым и Буниным к разряду наилучших.

Толстой писал: «Удивительное недоразумение весь так называемый женский вопрос, охвативший, как это должно быть со всякой пошлостью, большинство женщин и даже мужчин! “Женщина хочет совершенствоваться”, – что может быть законнее и справедливее этого? Но ведь дело женщины по самому ее назначению другое, чем дело мужчины. Боюсь, что Чехов, писавши “Душечку”, находился под влиянием этого недоразумения. Он намеревался проклясть, но бог поэзии запретил ему и велел благословить, и он благословил и невольно одел таким чудным светом это милое существо, что оно навсегда останется образцом того, чем может быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и делать счастливыми тех, с кем ее сводит судьба».

Толстой считал, что в итоге рассказ «Душечка» получился не таким, каким его задумывал Чехов. Шедевром, получившимся как бы помимо или вопреки авторским намерениям, «бессознательно»: задумывалось осмеяние – получилось восхваление.

Надо отметить, что и Толстой воспользовался женским образом, созданным Чеховым, чтобы подкрепить свои давние излюбленные мысли. Человечество, утверждал он, может обойтись без женщин-врачей, женщин-адвокатов, женщин-политических деятелей и т.п. Но не обойтись человечеству без женщин – любящих жен, без женщин-матерей. Это писатель утверждал еще в «Войне и мире», об этом пишет он и в «Послесловии к рассказу Чехова “Душечка”», видя именно в героине этого рассказа воплощение того лучшего, чем может быть женщина.

Разумеется, умелый полемист легко положил бы Толстого в этом споре на обе лопатки. Начать с того, что у великого прозаика понятие «человечество» носит явно мужскую окраску. А как насчет женщин нянечек, учительниц начальных классов, воспитательниц яслей и детских садов? Что-то не видно мужчин на этих ответственных ролях! Во времена Шекспира, правда, женские роли играли мужчины, но с этим давно покончено – сегодняшний мир никак не может обойтись без певиц, актрис, балерин… Но сейчас речь о другом.

Рассказ «Душечка» нравился практически всем современникам – над ним смеялись и плакали, но мнения о героине оказывались резко противоположными.

Душечка – безликая раба своих привязанностей;

Душечка – непостоянное, беспринципное существо;

Душечка – воплощение истинного предназначения женщины. Отметим также, что все три точки зрения исходят из представления о должном, об известной их авторам норме – какой ДОЛЖНА БЫТЬ женщина. Предметом же писательского интереса Чехова всегда было в первую очередь то, что есть в действительности, а именно – какие БЫВАЮТ женщины.

М.Горький очень точно отметил эту особенность Чехова-писателя: «Страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, чего нет на свете».

Вообще же многозначность образа и произведения, возможность разностороннего понимания и толкования – неотъемлемое свойство творений высокого искусства. Недаром Толстой поставил образ Душечки рядом с образами Дон Кихота и Санчо Пансы.

Романтические взгляды на прекрасную половину человечества были Чехову чужды. В «Душечке» Чехов повествует о реальной судьбе женщины, о назначении женского существования.

Думается, что в рассуждении автора, когда он писал «Душечку», вырисовывалось представление о новой женщине – развитой, ученой, самостоятельной, работающей не хуже, если не лучше, мужчины. Поэтому-то он, начав писать «Душечку», хотел показать, какою НЕ ДОЛЖНА быть женщина. Общественное мнение призывало Чехова проклясть слабую, покоряющуюся, преданную мужчине неразвитую женщину, но, начав говорить, поэт благословил то, что хотел проклинать.

В сегодняшней терминологии мы бы сказали, что ее эмоциональный уровень очень высок, а уровень интеллекта – низок. Жизнью Душечки управляет не разум, а чувства, или, пользуясь излюбленным выражением Толстого, – не «ум ума», а «ум сердца».

Автор заставляет ее любить смешного Кукина, неуклюжего лесоторговца и неприятного ветеринара, но любовь не менее свята, будет ли ее предметом Кукин или великие мужчины, и будут ли предметы ее сменяться быстро или предмет будет один во всю жизнь.

В 90-х годах XIX века в журнале «Новое время» был напечатан фельетон о женщинах. Автор высказывал в этом фельетоне замечательно умную и глу-

бокую мысль. «Женщины, – говорит он, – стараются нам доказать, что они могут делать всё то же, что и мы, мужчины. Я не только не спорю с этим, но готов согласиться, что женщины могут делать всё то, что делают мужчины, и даже, может быть, и лучше, но горе в том, что мужчины не могут делать ничего, близко подходящего к тому, что могут делать женщины. И это касается не одного рождения, кормления и первого воспитания детей, но мужчины не могут делать того, высшего, лучшего и наиболее приближающего человека к богу дела, – дела любви, дела полного отдания себя тому, кого любишь, которое так хорошо и естественно делали, делают и будут делать хорошие женщины. В этой любви главная, великая, ничем не заменимая сила женщины».

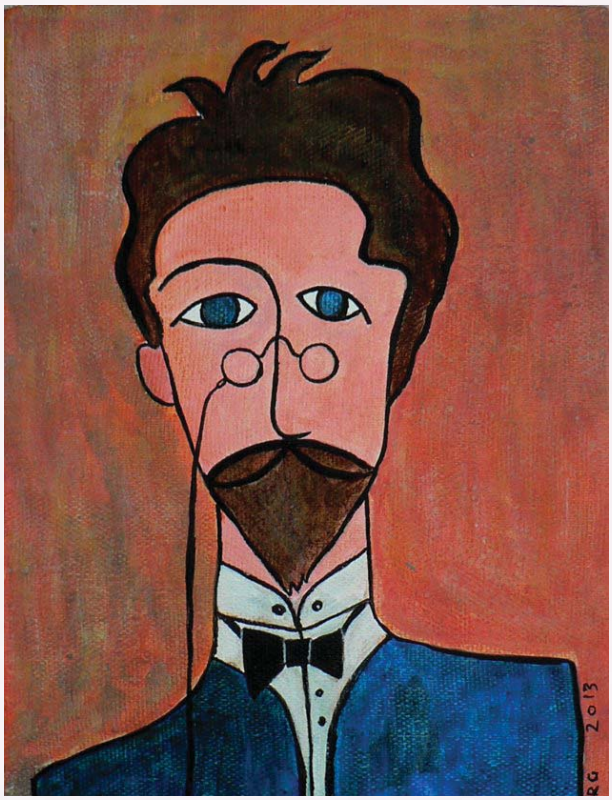
Взгляд Чехова остановился на Душечке потому, что он видел, как его эпоха погружается во всё увеличивающийся ценностный вакуум, в котором человек лишается души и превращается в безликого манекена. Утрата ценностей в доведённом до автоматизма обществе происходит вместе с упадком любви. Бездушным существам, подобным роботам, противопоставляется идея деятельной любви. Такая любовь побуждает человека вновь обрести душу. Сущность любви Душечка видит не в том, что любят её, Душечку, а в том, чтобы дарить свою любовь.

Чехов возвращается к традиционному толкованию понятия вечной женственности, которое наделяет его героинь супружеской, материнской ролью, делает их хранительницами домашнего очага. Атрибутами этого являются нежность, сердечное тепло, чувствительность, способность к сопереживанию. Писатель анализирует проблему связи женского и мужского сознания, заставляя ощутить склонность мужского сознания к агрессии, в то время как женское сознание, хоть и пассивное, подчиненное мужскому, на деле гораздо богаче чувствами. В XXI веке по-прежнему актуальной и животрепещущей остается тема извечного противостояния мужчин и женщин.

Борьба женщин за независимость от мужчин, неуклонное сближение в правах и обязанностях, призваниях и способностях и непреодолимая пропасть, проложенная самой природой. Но в этом несходстве, противостоянии заключается хрупкое равновесие гармонии.

Мы читаем заглавие рассказа, еще не зная, о чем пойдет речь в произведении. Но уже первые слова чеховского повествования незаметно дают точную подсказку и о среде, в которой будет происходить действие, и о тональности дальнейшего повествования.

Если бы понадобилось показать всё богатство смысловых оттенков, которые можно передать в русском слове с помощью суффиксов, лучше всего это было бы видно на примере слова «душечка». Значение уменьшительно-ласкательного суффикса «ечк»



Полина Ольденбург. Портрет А.П.Чехова, 2013 г.

соединяется в этом слове с многозначностью слова «душа» в русском языке. «Ах ты, душечка, красна девица…» – поется в народной песне. Привет и ласка слышны в этом слове.

«Оленька, дочь отставного коллежского асессора Племянникова, сидела у себя во дворе на крылечке, задумавшись…»

Душечка, Оленька, на крылечке…Но как только читатель поддался «обаянию» этих суффиксов и настроился на сентиментальный лад, на умиление и любование, автор немедленно перебивает его ожидания своей иронией.

Сначала девушка выходит замуж за человека с нелепой фамилией Кукин, антрепренёра и содержателя невзрачного увеселительного сада. Фамилия звучит комично, как кукиш. Комична и его болезнь, и телеграмма о смерти. Вместо слова похороны в ней написано хохороны, что ассоциируется с глаголом хохотать.

Не менее смешны фамилия и характер второго мужа Душечки – Пустовалова, управляющего лесным складом. Такими же являются ворчливый ветеринар и его сын, гимназист в большом картузе, «но не смешна, а свята, удивительна душа Душечки со своей способностью отдаваться всем существом своим тому, кого она любит».

Это не злой сарказм разума писателя, а полная любви ирония сердца, пробуждающая у читателя сочувствие. Это принцип построения повествования – лирический, сентиментальный и иронический, насмешливый – соединение двух противо-

положных тональностей, перебивающих одна другую.

Существенную роль в тексте играют повторы. Так, свой истерический монолог Кукин произносит перед Оленькой одним жарким вечером. Но он повторяет его и на второй день, и на третий. В один прекрасный день Оленька полюбила его. Но далее мы узнаем, что она всегда кого-нибудь любила. Четырежды повторяется слово «любила» – так автор обозначает главное содержание Оленькиной жизни. Благодаря этому непрерывному чередованию на крошечном пространстве короткого рассказа хорошо чувствуется ход времени. Целые судьбы изложены на нескольких страницах.

О чувстве одиночества и пустоты, овладевшем Оленькой после того, как ей некого стало любить, сказано: «И так жутко, и так горько, как будто объелась полыни». Снова снижение, снова ироническая улыбка писателя.

Четыре мнения, повторяемые, воспроизводимые Душечкой каждый раз за ее новым избранником, не имеют между собой общего и иногда даже являются опровержением того, что она говорила прежде.

С Ваничкой: «Самое замечательное, самое важное и нужное на свете – это театр…»

С Васичкой: «Нам с Васичкой некогда по театрам ходить… Мы люди труда, нам не до пустяков. В театрах этих что хорошего?»

С Володичкой: «…чума на рогатом скоте, жемчужная болезнь, городские бойни…»

С Сашенькой: «Островом называется часть суши…»

Неизменно повторяется основной признак очередной Оленькиной любви: жить тем, чем живет ее избранник, говорить его словами, буквально воспроизводить его мнения. Душечка влюбляется не только в мужчин, но и в их профессии.

Повторения в искусстве служат созданию ритма. Ритм в построении «Душечки» – четыре эпизода из жизни героини, сходные по началу, развитию и концовке. А далее, в четвертом эпизоде, чужой мальчик неожиданно станет новой, последней и самой главной привязанностью Душечки. Ритм в этом эпизоде резко нарушен. Душечкой овладевает неведомая ей прежде любовь, материнская – нечто отличное от любви к ее бывшим мужьям. И по отношению к этой последней любви все прежние кажутся ничтожными и неподлинными.

Лирическому началу в повествовании неизменно сопутствовало начало ироническое. Но тут, в последнем эпизоде, когда любовь Душечки приняла совсем новое направление, о ней сказано совершенно иначе: «За этого чужого ей мальчика, за его ямочки на щеках, за картуз она отдала бы всю свою жизнь… Почему? А кто ж его знает – почему?»

Чехов лишил свою героиню материнства, истинной материнской любви, направленной исключительно на собственного ребенка. Однако ребенок необходим для женщины, даже если он не свой – ведь она может любить его, словно родного. Чужой ребенок здесь становится символом высшей любви.

Учительница Марья Васильевна из чеховского рассказа «На подводе» в мечтах о богатом и красивом, но слабом и пьющем человеке, представляет себя его женой или сестрой, и ей кажется, что она отдала бы всю жизнь за то, чтобы спасти его от гибели. В этих её мечтах больше материнского, чем женского. Но полюбить материнской любовью своих учеников Марья Васильевна не сумела. А вот Душечка достигает вершины любви – в своем чувстве к ребенку. Только с появлением Саши по-настоящему реализовалось и развернулось главное дарование Душечки – способность к самоотверженной любви. Так что «Душечка» – рассказ о таком даре, который дается не каждому. Это рассказ о человеке, способном любить до самозабвения.

На пути Оленьки не встретились ни Ромео, ни даже Онегин или Печорин. Смешны и ничтожны избранники Душечки, и сама она смешна, когда перенимает их образ жизни и видение мира. Обладание даром любви освещает и возвышает ее, хотя она – плоть от плоти этого жалкого и ничтожного мира. В своем пассивном положении Оленька не перестает надеяться на счастье. Если же вокруг нее совершенно нет жизни, ею внезапно овладевает чувство одиночества, заброшенности и потери. Одиночество это сменяется внутренней пустотой.

Увидеть святое, прекрасное в смешном и нелепом – удел немногих художников. Таковы Гоголь, Достоевский, Чехов. Л.Толстой, очарованный в чеховской Душечке даром любви-самоотвержения, не хотел осмеяния того, что считал святым и прекрасным.

Чехов не писал о том, какой должна быть женщина. То, что женщины могут быть совершенно другими, он показал в образе матери Саши. Ей не отпущено любви ни к мужу, ни к ребенку, хотя она-то, вполне возможно, могла бы проявить себя в какой угодно общественной или профессиональной области. Все равно – мы сочувствуем не ей, а Душечке.

Идеальный мир Чехова связан с привычными ценностями русской литературы XIX века, и в этом смысле Чехов глубоко традиционен. Но Чехов «объективнее» предшествующих писателей, он избегает прямых разоблачительных характеристик, авторских сентенций, однозначных выводов.

Многие читатели видели в рассказе Чехова чрезмерное восхваление женской души, за исключением феминистов, критикующих писателя за консервативный взгляд на женщину, ограничивающий круг ее интересов исключительно ролью хранительницы семейного очага. Они подвергли сомнению даже ее психологическую достоверность, на что Чехов резонно возразил словами Толстого: «Можно выдумать всё, что угодно, но нельзя выдумывать психологию».

Ольга Ильницкая
ДООС – слонозавр

Чрезвычайное положение

Я спешила. Пробираясь меж топчанами, вдруг увидела бурую собаку в рыжих подпалинах. Нужно было пройти около нее.

– Ты похожа на большого медведя, – с фальшью в голосе сказала я.

– Сама ты похожа на большого медведя, – ответила собака.

И я перестала спешить. Было ясно, что в этом городе через сутки введут чрезвычайное положение. Если вам по-человечьи отвечает каждая встречная собака, то наверняка введут.

– Не преувеличивай, – сказала собака. – И много уже с тобой поговорило? Через двое суток положение введут. А танки – через сутки.

Толстая голая тетя справа ела помидор. Толстый голый дядя слева ел сливы. Голым было наплевать на положение, на все было наплевать: солнце разморило их. Я огляделась. Люди, как дождевые черви, расползались по топчанам. Море выходило из берегов, вымывая из песка все новые тела. Они отряхивались, розовые и прозрачные, и переползали на топчаны. Матовые от загара почти не просвечивались и производили лучшее впечатление.

Собака хмыкнула: – Ты чего здесь застряла?

– Все равно, где теперь находиться.

– Ну так находись где-нибудь в другом месте, – тихо произнесла собака. – Не раздражай меня своей интеллигентностью.

Я обиделась.

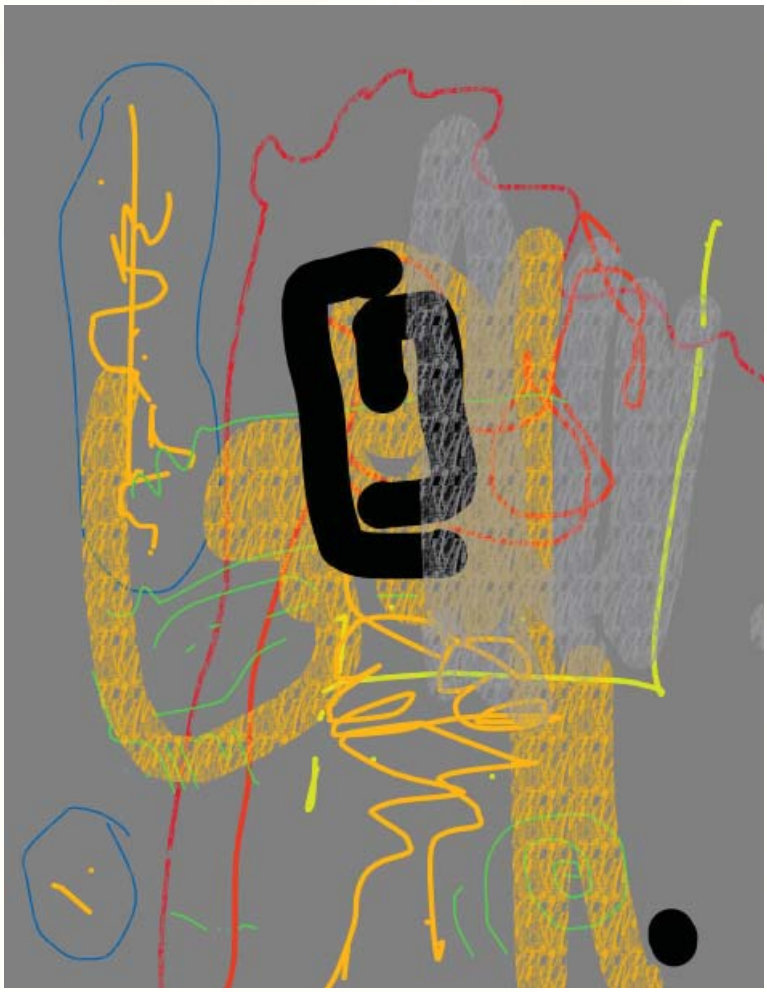
Собака примирительно посоветовала:

– Обходи танки стороной и не стой под грузом.

– Под каким? – догадалась я спросить.

– Сама ты похожа на большого медведя, – рявкнула вдруг собака, исчезая среди голых и прозрачных.

Пришлось уйти с вопросом.



Галина Мальцева «Дама с собачкой» (компьютерная графика), 2015 г.

Не заговаривайте со встречными собаками, и Боже упаси спрашивать их о чем-то!

…Ровно в полночь постучала я в открытую дверь на первом этаже.

– Почему дверь не заперта? – прокричала в темноту.

Вышел парень и закрыл дверь.

Ни тебе здрасте, ни спасибо...

Из тишины парадного собака ответила:

– А ты не ломись в открытые двери. Не стучи.

– Собака ты!

Огрызнувшись, я вышла на тротуар. Мимо проходил патруль.

– Уже сегодня патруль? Мы что-то напутали.

– Это очевидно, – ответила собака, дыша мне в затылок.

– Будь любезна, опустись на все лапы. Не дыши.

– Еще чего, – ответила собака. – Надоела ты мне.

Постояли мы и разошлись, чтобы больше не встретиться.

...На следующую ночь танки вошли в город.

Елена Атланова

Ташкент

Эпистолярный роман .NET

От корки до корки с юности зачитанная
переписка Чехова и Лики –
оказалась по жизни
учебником
любви

Который уж год
мы с Тобой переписываем
все упражнения… да так прилежно
что теперь не только письма не горят
но еще и не уничтожаются
ни с винчестера
ни с Инета

И точки
нет…

Антон Чехов и Лика Мизинова.

Александр Гумённый

друг ДООСа
Новокузнецк

Похмелье

мы живём в одной квартире
и подвисаем в инете
единого провайдера
но аккаунты разъединили
бесчувственные сервера
оцифровывая остатки эйфории
жесткими дисками повседневности

1 января 2015 г.

Нужно меньше пить

я заговорил «языком»
ранее такого не случалось
анатомические функции
акцентируют значимость
невидимых процессов
меняя директорию мысли
анаболизмом духа

3 января 2015 г.

Формула

разница во взглядах
это длина луча
помноженная
на
коэффициент
интеллекта

6 января 2015 г.

Нина Маркграф

Зёрнышко-малыш

В мерцающей над миром кроне,
Над срубом звездного колодца,
Летящий ангел ветку тронет –
И яблоко легко качнется.

В нем зреет зернышко-малыш,
В медовом лоне, в сердцевине.
Девятый месяц скоро минет,
И я шепчу : «Малыш, ты спишь?»

Вдруг вздрогнет яблоко в ночи,
И хрустнет хрупко, как скорлупка.
И врач придет с волшебной трубкой,
И сердце в трубке застучит!

Не бойся!

– Что если ось земная отвалится?
– У нас есть слесарь от Бога.
Он справится.

Сергей Самарин

ТРИДЦАТЬ

«....Мне тридцать лет!
Я ничего не сделал !!!...»
(из монолога главного героя
неоконченной пьесы А.Чехова)

Умирать зимою легче –
только поле побескрайней
только снега по макушку
и дорогу поночней
лишь заботу побезлюдней
холода помежпланетней

Завещанье без обиды
путь последний без следа
ни жена, ни мать не знали б
места моего успенья

Да размоет прах мой тленный
сон – весенняя вода
и тяжёлую угрюмость
от детей убрать подальше

Пусть останусь зыбкой тенью
в предрассветной тишине
домовину не разыщет враг-шакал
и некролога с ядовитыми цветами
не возложит Продавец

А друзей моих тенистых
на июльском солнце слёзы
испарятся, чуть поднявшись, –
солью-хлебом упадут

Августейшая награда
что под Знаком Льва родился
улечу обратно к Солнцу –
к светлой памяти людской !

Наталья Никулина

Обнинск

* * *

инстинкты мешают жить по-божески
дурные привычки – по-человечески
рефлексы / импульсы / страстные желания
и вовсе житья не дают...

думал Антон Павлович думал
куда деться маленькому человеку
и уехал на Сахалин.

Николай Грицанчук

* * *

Монологическая гусеница
С предупреждающей
окраской.
В итоге – невзрачная
бабочка,
Но текст тот же:
О лечебных свойствах
Малых доз плагиата,
Картах литературы,
О добыче золотого песка
На блеск окуневого глаза,
О попытке замены
легких Чехова и Грина
Лесами бассейна Амазонки,
О замене зажигалок
ворами в шапках,
О дураках бездорожья,
Рвущих рубашку
охлаждения автомобиля,
После чего
Кулаком в грудь
придется бить вам.

Специально для ПО.
Андрей Врадий
«Неоконченный герой
неоконченной пьесы»
(смешанная техника),
2015 г.

Валерий Мутин
с. Пречистое

* * *

Снежным выдался январь.
На дорогах хлябь и хмарь.
Не печалься, человек,
Хлебом пахнет русский снег.

24.01.15.

«Целые облака мягкого крупного снега беспокойно кружились над землей и не находили себе места. Лошади, сани, деревья, бык, привязанный к столбу, – всё было бело и казалось мягким, пушистым».

А. Чехов

1943

На осаждённый Сталинград
Снаряды сыплются. как град.
Шипит и плавится свинец –
Там бой идёт. Там мой отец –
Стрелковой роты замполит.
И Волга за спиной горит.
В строю уже последний взвод,
Февраль
И мне – четвёртый год

02. 02. 15.

Февраль 1943

Зимой по снегу белому,
Презрев домашний плен,
Мы в шёптаниках* бегаем –
Онучи – до колен.
Суровая обувочка!
Но в ней не страшен снег.
И не вмещает улочка
Негромкий детский смех.

** Шёптаники – зимние лапоточки из льняной бечёвки*

02.02.15.

Журнал ПОэтов» № 1 (63) 2015
«Созвездие – Чехов»

Учредитель, идея журнала и творческая концепция – группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства».

Главный редактор
доктор философских наук
Константин Кедров
Редакционный совет:
Е.Кацюба (ответ. секретарь);
В. Ахломов: С.Бирюков – доктор культурологии (Германия); А.Бубнов – доктор филологических наук; профессор В.Вестстейн (Нидерланды); А.Витухновская; А.Городницкий – доктор геолого-минералогических наук;
Э.Гусейнов – кандидат исторических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция);
В. Нарбикова.

«...мы увидим все небо в алмазах...» А.П. Чехов

ПОЭТОВ
ЖУРНАЛ
№ 1 (63) 2015

Макет номера – Елена Кацюба
Верстка – Николай Лазарев

Номер подписан в печать

Издательство ДООС Маргариты Аль

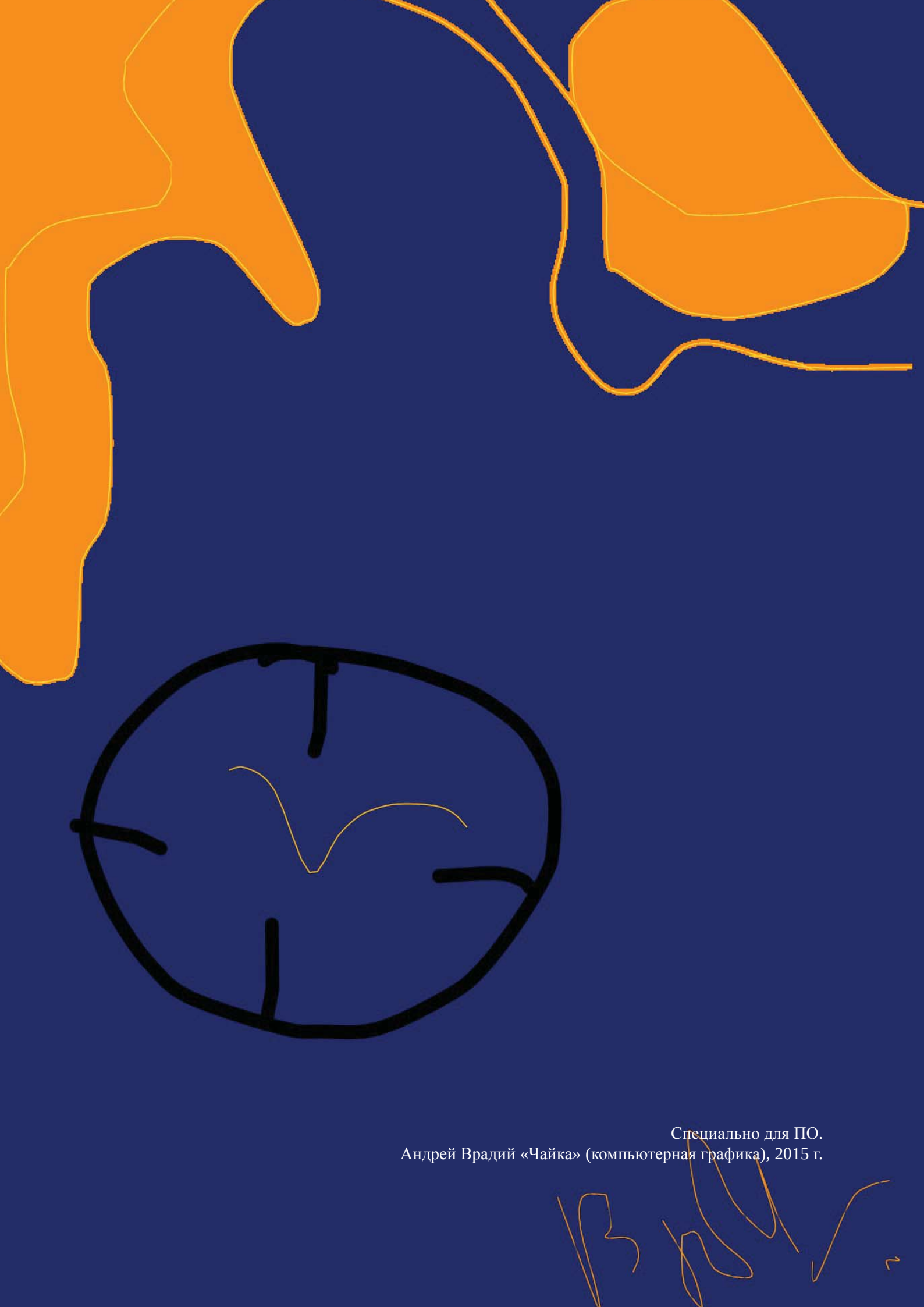
Номер подписан в печать 23.02.15.

Телефон 8-926-524-5662

Адрес в интернете:
Литмир Журнал ПОэтов
http://www.litmir.net/UserBooks/?UserId=191742

e-mail: fly-111@mail.ru

Художник Виктор Гоппе.



Специально для ПО.
Андрей Врадий «Чайка» (компьютерная графика), 2015 г.